

9(47)

Г 14

ГАЯ-ГАЙ

Борьба

**С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ
НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ**

1 9 3 1

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

5.13.

СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГАЯГАЙ

БОРЬБА

С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ
НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КВА ★

1931

Гая Гай. «Борьба с чехо-словаками на Средней Волге». В настоящей брошюре сжато излагается история героической борьбы Красной армии с контрреволюционными чехо-словацкими войсками за освобождение Среднего Поволжья. В брошюре значительное место занимают воспоминания бойцов — непосредственных участников гражданской войны. По живости и простоте изложения книжка вполне доступна для массового как гражданского, так и военного читателя.

К печати подготовили:

Редактор Матросов Ф.
Технический редактор Наумов В.
Корректор Кубатиев А.

ЗАРОЖДЕНИЕ 1-й РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

В

В славной борьбе с чехо-учредилловскими войсками 1918 г. армии Востфронта принадлежит бесспорно одна из первых ролей.

Это она подорвала силу контрреволюционных полчищ в Симбирске и Сызрани, она закончила разгром учредилки в Бугуруслане, Бузулуке, Стерлитамаке и на путях к Верхнеуральску.

В июне—июле 1918 г. 1-я армия представляла собой очень неопределенную **величину** с разбросанным фронтом, с путанными взаимоотношениями между командованием отдельных частей. Отряды 1-й армии находились и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, причем на каждом из этих направлений были «группы», «фронты», «сводные отряды», неизвестно кому подчиненные.

Нужно однако сказать, к чести командиров значительной части отрядов, что у них наблюдалась большая тяга к **централизованности**. Так например т. Гая, в то время командир самарских сводных отрядов, оперировавших в районе Климовка—Новодевичье—Сенгилей, стремился с самого начала установить правильное отношение подчиненности как вверх, так и вниз.

Много усилий прилагал в этом направлении и М. И. Тухачевский. Быть может поэтому в 1-й армии меньше, чем где бы то ни было, сказались отрицательные стороны партизанства.

Стремление отрядов к централизованности выражалось иногда в оригинальной форме: они в трудные минуты требовали от лиц высшего командного состава принять непосредственное командование над собой. Так например командующий симбирской группой Пугачевский принужден был кидаться от одного отряда к другому и мало уделять внимания общему командованию группой. То же происходило и в других группах и фронтах.

Так или иначе 1-я армия пережила в своем развитии неизбежный младенческий период, богатый отдельными проявлениями удали, а подчас и героизма, но с другой стороны—богатый и случаями беспричинной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д. Падение Симбирска было последним этапом этого первого периода. Начался второй период, период строительства регулярной армии.

Работа была мучительна и тяжела, ибо строить приходилось в обстановке продолжавшегося наступления противника, имея налицо ничтожные, слабые силы. Значительная часть наших войск была разбита, а группа Гая, окруженная в районе Сенгиля, также считалась погибшей.

Дело доходило до того, что одно время между штабом армии, помещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани действовали лишь броневой поезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник Инзенской «дивизии» со своим штабом. Эта кучка героев явилась ядром, вокруг которого была создана доблестная Инзенская дивизия под командованием самородка-полководца т. Лациса.

На направлении от Инзы к Симбирску, у нас имелся в то время лишь отряд приблизительно в 1 000 штыков. Более сильная численно группа действовала на пути Пенза—Сызрань. Вот все, что имелось в распоряжении

1-й армии, если не считать еще незначительных отрядов, оперировавших в Вольском направлении, мало связанных с армией и передававшихся в ведение то 1-й, то 4-й армии. В этой обстановке, при нехватке живой силы, началась усиленная работа по строительству регулярной боеспособной армии.

1-я армия раньше других вступила на путь мобилизации определенных возрастов тех губерний, в которых она оперировала. Опыт мобилизации распространился и на офицерство, и в этом отношении 1-я армия была пионером во всей республике. Но все эти меры могли дать результат не сразу: нужно было мобилизованных обучить и сколотить.

В конце июля произошло событие, сразу утроившее количественный состав армии. Командующего армией вызвал к себе т. Толстой, начальник отряда, оперировавшего на путях к Симбирску, приблизительно в районе ст. Майна. Мы с т. Тухачевским приехали, и т. Толстой доложил нам сведения своей разведки, которая с точностью установила обход его группы вдвое сильнейшим отрядом противника.

Точные и неоднократно проверенные сведения говорили о том, что такого-то числа противник, хорошо снабженный артиллерией, был в Солдатской Ташле, затем в Степном Матюшине и т. д. и наконец зашел уже во фланг отряду т. Толстого. Тов. Толстой возбудил перед командармом вопрос о необходимости отхода, с тем чтобы прикрыть узловую пункт, ст. Инзу, которая иначе могла оказаться совершенно незащищенной. Тов. Тухачевский дал согласие, и отряд занял ближе к Инзе обе линии железных дорог. И вот, в то время, когда мы были заняты размещением отряда на новых позициях, меня и Тухачевского вызвали неожиданно к прямому проводу со ст. «Майна», которую мы оставили и на которой не было ни одного красноармейца.

Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что с нами хочет говорить т. Гая, командир сенгилевской группы, которую мы считали окруженной и погибшей. Радость наша перешла в ликование, когда из

Г. Д. Гай — начальник 24-й Самаро-Симбирской железной дивизии, впоследствии командир конного корпуса (в польскую войну), один из выдающихся командиров Красной армии.

разговоров обнаружилось, что т. Гая прорвался сквозь ряды противника со всем своим трехтысячным отрядом, сохранив всю артиллерию и имущество.

На следующий день мы выехали к т. Гая и закрепили

возвращение в армию его группы. Бывший долгое время в окружении, прорвавшийся через ряды противника отряд т. Гая пришел к нам закаленным, спаянным, дисциплинированным и составил основное ядро Симбирской железной дивизии, покрывшей себя впоследствии громкой славой.

Возвращение отряда т. Гая было началом третьего периода,—периода боевых успехов, когда 1-я армия стала одним из наиболее славных отрядов великой Красной армии—вооруженного авангарда мировой революции.

Б. политический комиссар 1-й армии *В. Куйбышев*.

ОТ АВТОРА

Героическое прошлое—
фундамент будущего.

В октябре 1930 г. исполнилось двенадцать лет со дня освобождения Средней Волги и г. Симбирска—родины Владимира Ильича Ленина—от чехо-словацких и учредительских банд.

В истории освобождения Средней Волги и вообще в истории гражданской войны почетное место принадлежит 24-й Железной дивизии.

Она мощными ударами уничтожила одну, за другой самые крепкие, дисциплинированные и стойкие чехо-словацкие и офицерские части на Волге. Дивизия делала громадные переходы. Быстрота ее движения редкостная. Вот некоторые цифры: в течение трех месяцев (октябрь—декабрь 1918 г.) дивизия освободила 3 губернии (Симбирскую, Самарскую и Оренбургскую). С начала наступления на Симбирск и по взятии Бугуруслана (с 9 сентября по 25 октября) части 24-й Железной дивизии сделали с большими и упорными боями более 800 км. Это редкий пример во всемирной военной истории.

За эти шесть недель на всем Восточном фронте у белой гвардии было отнято около 150 000 кв. км. Из них на долю одной Железной дивизии приходится более 70 000 кв. км.

Чем же объяснить эти успехи?

24-я Железная одерживала блестящие победы потому, что она была частицей великой Красной армии, знающей цели борьбы.

Она победила потому, что в ней с наибольшей полнотой осуществлялся союз рабочего класса с трудовым крестьянством под железным, революционным водительством коммунистической партии, выдвинувшей на передовые посты лучших пролетариев Симбирска и Самары.

Она победила потому, что во главе ее стояла большевистская гвардия, что десятки и сотни учеников Ленина сражались в ее рядах, первыми подставляли грудь под вражескую пулю, вдохновляя бойцов личным бесстрашием на боевые подвиги, неустанно разъясня классовые цели борьбы.

Говорят, что только отжившие люди живут воспоминаниями о прошлом.

Это справедливо по отношению к тем, у кого нет будущего, у кого все только в прошлом. А на колеснице прошлого далеко уехать нельзя. Не таковы наши воспоминания: наше прошлое—героическое, яркое прошлое гражданской войны.

Для нас это прошлое—фундамент будущих побед.

Воспоминания старых, закаленных в боях бойцов—красноармейцев—источник новых и новых сил для молодого поколения.

Молодые бойцы красноармейцы должны воспитываться на примерах старших, а рабоче-крестьянская молодежь должна учиться на примерах прошлого, чтобы подковать себя на будущие революционные бои. Вот почему ко дню 12-летия освобождения родины Владимира Ильича Ленина—Ульяновска я считал полезным для молодых красноармейцев кратко изложить героическую борьбу за освобождение Средней Волги.

Этим и оправдывается издание настоящего исторического сборника, где собраны воспоминания некоторых ветеранов-красноармейцев—участников походов Железной дивизии.

Рабоче-крестьянская молодежь, равняйся по героям Железной!

Г. Гай.

СЛАВНЫЙ БОЕВОЙ ПУТЬ.**Положение РСФСР в начале 1918 г.**

Весной 1918 г. молодая Советская республика, окруженная со всех сторон врагами, переживала тяжелые дни. Украина стонала под железной пятой вельможного гетмана Скоропадского, на Дону царил генерал Краснов, вся Белоруссия, Литва и Прибалтийский край находились во власти немцев. В Мурманском краю хозяйничали англичане, Северный Кавказ был объят пожаром гражданской войны. Центр изнемогал от продовольственного и транспортного кризиса. Во многих городах происходили мятежи на почве голода и подстрекательства подпольных организаций правых эсеров и меньшевиков.

И вот в это трудное для РСФСР время на востоке вспыхнул организованный англо-французским капиталом мятеж среди чехо-словацких дивизий, численностью до 40 000 человек, хорошо вооруженных, дисциплинированных и снабженных техническими средствами.

Часть чехо-словаков, успевших проехать в Сибирь, свергла* в Омске советскую власть, а на Волге в конце мая 1918 г. они захватили Пензу и Сызрань. К ним стали примазываться контрреволюционные элементы с лозунгом: «Долой Советы. Вся власть Учредительному собранию».

Таким образом к концу мая 1918 г. у молодой Советской республики к имеющимся внутренним фронтам прибавился **новый—Восточный фронт**, где Красной гвардии, только что народившейся, пришлось столкнуться с многочисленным, отлично **организованным** и тактически подготовленным противником, выполнявшим широкие политические задачи, диктуемые из Парижа.

Вооруженные силы РСФСР на Волге.

До возникновения Восточного фронта на Средней Волге существовали уже так называемые отдельные «фронты», возникшие в результате борьбы против Уральского и Оренбургского белоказачества. По мере движения чехо-словаков и местные советы открывали по своей инициативе все новые и новые «фронты» местного значения и наименования. Большинство местных советов в попытках разоружения чехо-словацких эшелонов не проявили достаточной решительности и умения за отсутствием единого руководства.

На Средней Волге с чашей стороны действовали в это время **многочисленные** разрозненные, плохо вооруженные и не обученные отряды добровольцев с ничтожным процентом фронтовиков. Комсостав в этих партизанских отрядах, благодаря принципу выборности, состоял в большинстве из людей случайных, не знающих военного дела, среди них имелись и авантюристы, которые шли на фронт отнюдь не из-за идейных побуждений. Однако были отдельные командиры, глубоко преданные советской власти.

Эти «фронты» и дружины по существу не подчинялись центру. Этим и объясняется, что т. Мясников, назначенный главкомом, впоследствии не имел иногда в своем

распоряжении и этих разрозненных отрядов для нужных операций.

Красная гвардия на Волге переживала в этот период свое младенчество... Отчасти благодаря этому чехословакам и удалось так быстро распространиться по Волге.

Захват чехами Пензы и Сызрани.

К моменту восстания чехов в Сибири к Пензе подходили эшелоны арьергарда, в составе около дивизии 9 000—10 000 чел.) под командованием ген. Чечек¹.

Эта группа, разогнав по дороге небольшие красногвардейские отряды в Сердобске и Балашове, к 27 мая сосредоточилась на ст. Пенза. В то время гарнизон Пензы состоял из отдельных небольших отрядов общей численностью до 2 000 чел. при пяти орудиях.

Почти одновременно с приходом чехов в Пензу, пришло приказание из центра о немедленном разоружении чешских эшелонов.

Начались переговоры между губисполкомом и чехословацким дивизионным комитетом и комсоставом. Чехи упорно отказывались разоружаться. 28 мая днем был устроен митинг на вокзале Пенза 2-я с целью разъяснения рядовым солдатам чехам, что их желают втянуть в войну с советской властью, что их комсостав

¹ Части чехо-словацкого корпуса в конце мая 1917 г. находились в шести основных группах: Пензенская — 9 000—10 000 ч., Челябинская — 10 000—12 000, Новониколаевская — 2 000—2 500 ч., Мариинская — 1 000—1 200 ч., Канско-Нижеудинская — 1 000—1 500 ч., Владивостокская — 15 000—16 000 ч., 26/V произошло восстание в Марьянове, 26/V — в Иркутске, 27/V — в Златоусте и 28/V — в Пензе.

искажает и представляет в неверном освещении мотивы и цель разоружения.

Митинг прошел неудачно отчасти по причине непонимания чехами русского языка и отчасти вследствие провокации и открыто враждебного выступления на митинге чешского комсостава.

Несмотря на горячее желание губисполкома, уладить конфликт мирным путем не удалось. Город пришлось немедленно объявить на осадном положении. В Москву, Сызрань и Симбирск полетели телеграммы с просьбой выслать подкрепления. 28-го мая в 12 часов чехи вышли из своих эшелонов и расположились цепью вдоль реки Суры, выслав часть сил в обход.

Для руководства боем председатель совета т. Кураев спешно создал небольшой штаб, куда к сожалению вошли люди неопытные и незнакомые с военным делом. Около 4-часов дня прибыли ожидаемые из Москвы две бронемшины, но не зная положения частей, они попали на вокзале в руки чехов. Чехи хотели пробраться на них в город—их не пустили. Начались военные действия.

Наша батарея открыла огонь по подходившим эшелонам, и в этот день чехам не удалось пробраться через р. Суру. Ночью на 29/V 4-й чешский пехотный полк обошел Пензу; с тыла, и с 3 часов бой загорелся с новой силой. С рассветом чехи перешли в общее наступление и ворвались в город. Хотя в это время и подошла затребованная из Симбирска поддержка (около 400 чел.), но спасти город было уже нельзя. К 10 часам совет под прикрытием небольших отрядов эвакуировался на Рузаевку, и к вечеру 29/V чехи стали полными хозяевами Пензы. Попавших в плен комиссаров, коммунистов и красноармейцев они немедленно расстреливали.

Взяв из Пензы, что было возможно (главным образом

оружие и продовольствие), чехи отошли 30 мая на Сызрань.

30 мая в 15 часов головной эшелон их войск взорвал мост на 272-й версте перегона Забаровка—Сызрань. Это было сделано очевидно с целью воспрепятствовать поддержке красных, двигавшейся на Пензу.

С утра 31 мая чехи предъявили Сызранскому совету ультиматум с требованием «пропускать войска с оружием в руках на Самару».

После небольшой стычки в городе, Сызранский совет, учитывая малочисленность своих сил, решил увести части за город.

В тот же день чехо-словаки напали на отряд Красной гвардии, охранявший Сызранский мост и после упорного боя овладели последним.

Обеспечив переправу через Волгу, дивизия Чечека 1 июня сосредоточилась на левом берегу ее, очистив Пензу и Сызрань.

Самаре угрожала смертельная опасность.

Падение Самары.

Самара в конце мая 1918 г. представляла собой бурлящий котел.

Максималисты и левые эсеры вели борьбу против коммунистической партии, подрывая советскую власть. Но бунт максималистов, которым удалось вначале захватить все важнейшие советские учреждения и организовать свой ревком, вскоре был ликвидирован. Правые эсеры и меньшевики готовились при подходе чехов взорвать советскую власть в Самаре изнутри.

Опасность надвигалась с молниеносной быстротой. На Самару шли белоказацкие банды из Оренбурга и Ураль-

ска и чехо-словаки—из Сызрани. Немедленно сформированный ревком во главе с председателем губисполкома т. В. Куйбышевым лихорадочно приступил к формированию рабочих дружин и партийных отрядов. Было принято все, что вообще можно было тогда предпринять. Кроме организации местных дружин, ревком неоднократно обращался по телеграфу к горвдам, находящимся еще вне опасности—с просьбой выслать подкрепления, так как Самара—сердце и краса Волги, одна своими силами не могла остановить врага, который подошел не только с востока, но и с запада.

Вскоре из Симбирска и из Уфы начали прибывать небольшие рабочие дружины, партийные отряды и красногвардейские части. Существенную помощь оказал симбирский пролетариат, выслав в Самару ряд партийцев и несколько отрядов во главе с военным комиссаром губернии т. Гладышевым. С ним прибыли два отряда в количестве 250 чел., затем Карсунский отряд—103 чел., интернациональный отряд—102 чел. и пулеметная команда—95 чел.¹

Против хорошо вооруженной чехословацкой дивизии численностью до 10 000 человек² мы имели на всем участке от Самары до Сызрани следующие части: 4-й Видземский латышский полк—700 чел., полк имени Минского совета—600 чел., Смоленский полк—800 чел. Козловский отряд—300 чел., Нижегородский отряд—100 чел., Вяземский отряд—150 чел., Волжский отряд—200 чел., Калужский отряд—250 чел., Нижегородский отряд—140 чел., эскадрон разведчиков—120 коней, бронепоезд,

¹ Большинство этих отрядов назад не вернулось: они героически погибли при защите Самары. Т. Гладышев был расстрелян в Самаре чехами, взявшими его в плен.

² Состав дивизии Чечека: 1-й, 4-й и 8-й пех. полки, I и II Пензенские батальоны, артбригада, техническая рота и эшелон новобранцев.

отряд ж.-д. охраны— 215 чел. Всего около 3 300 чел., 115 пулеметов и 35 орудий. Кроме того перед Сызранским мостом находились: отряд ВЧК т. Попова; Казанский, Балашевский, Саратовский, Камышинский и Кирсановский отряды общей численностью до 1 000 чел., которые после первых боев с чехо-словаками рассеялись и частью выбыли из строя.

Общее руководство борьбой с чехами со стороны Сызрани центр возложил на т. Мясникова, а со стороны Уфы—на т. Подвойского.

Непосредственное руководство обороной г. Самары взял на себя ревком.

Понятно, что при таком расчлененном управлении, без взаимной связи с разрозненными неорганизованными частями долго защищать Самару было нельзя.

Еще до падения Самары правые эсеры (при благо-склонном молчании меньшевиков) в лице члена Учредительного собрания Буршвита начали переговоры с чехо-словаками, прося их содействия в создании «единого государственного управления России» в лице учредилки и в создании временного комитета в Самаре. Приводим отрывок из речи Буршвита на одном из собраний в Самаре. Повествуя о своем путешествии к чехо-словакам в Сибирь, Пензу и Сызрань, он говорит:

«В Сызрани, когда явился ко мне мальчик и привел подробные сведения о расположении большевистских войск, чехи стали убеждаться, что в Самаре имеется надлежащая организация. Еще большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана полковника Галкина, как взять Самару. Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Томыловского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян (читай кулаков.—*Автор*), доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание уральских казаков окончательно убедило чехов, что

Россия может возродиться... и они решили взять Самару»¹.

Вот в какой обстановке и атмосфере пришлось защищать Самару, которой угрожали враги как извне, так и изнутри. Продвигаясь к Самаре чехо-словаки были временно задержаны отрядами т. Попова. После неравного боя под Безунчуком эти отряды в полном беспорядке откатились к Обшаровке. Чехо-словаки подошли к заводу Ивашенкову и Линягам, где к этому времени Самарский ревком сосредоточил все наличные силы под общим руководством т. Кадомцева. 3 и 4 июня чехо-словаки обошли франги отрядов т. Кадомцева и прижали их к разлившейся реке Самарке. Окруженные и припертые к реке и болотам отряды Кадомцева дрались до последней возможности: все бойцы до единого погибли героической смертью².

5 июня Ревком созвал в губисполкоме экстренное совещание с участием уцелевших командиров дружин. После тщательного анализа обстановки было решено во чтобы то ни стало защищать город хотя бы несколько дней и дать этим возможность эвакуировать ценности и многочисленные советские учреждения.

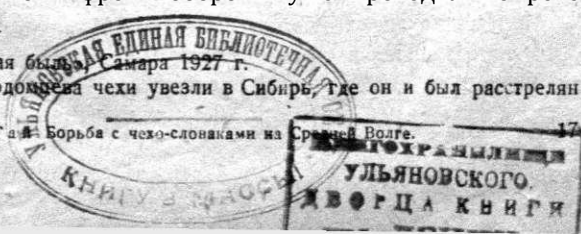
Поспешно начались формирования новых и новых дружин из самарских рабочих. Вдоль реки Самарки были наспех созданы небольшие укрепления, артиллерию установили на площади, дружинники рыли окопы, возводили предмостные укрепления и пр. В эти памятные всем дни ревком развил колоссальную энергию как по защите, так и по эвакуации города, которая к сожалению задерживалась за отсутствием достаточного количества пароходов и поездов.

С 5-го июня фронт обороны уже проходил по реке

1 «Красная звезда» Самары 1927 г.

2 Тов. Кадомцева чехи увезли в Сибирь, где он и был расстрелян

2 Гая Гая Борьба с чехо-словаками на Средней Волге.

Самарке. Чехи занимали левый берег, а мы — правый. В эти дни боевые действия выражались только в пулеметной и артиллерийской перестрелке. Чехи нащупывали и изучали наше расположение. От их артиллерийского огня в городе то и дело вспыхивали пожары, которые под конец угрожали принять грандиозные размеры. Приходилось воевать и со стихией и с внутренним врагом.

С рассветом 8 июня чехи под прикрытием бронепоезда густыми колоннами пошли за штурм ж.-д. моста через Самарку. Защитники моста (кажется, Уфимская коммунистическая дружина), потеряв 90% своего состава, не выдержали атаки и отошли в направлении на Кинель. Чехи быстро заняли вокзал и распространились по городу; их провожали и показывали им дорогу белогвардейцы и правые эсеры.

Таким образом несмотря на огромные усилия ревкома и горсточки партийных отрядов, удержать Самару нам не удалось. После эвакуации из Самары в Казань золотого фонда республики и всех советских органов, 8 июня рано утром мы вынуждены были под градом свинца покинуть родной город.

Чехи отрезали несколько отрядов и комиссаров Красной гвардии и при помощи местной буржуазии жестоко расправились с ними, расстреляв всех захваченных в плен. Вверенная мне небольшая сводная дружина (95 чел. из максималистов и левых эсеров), защищавшая правый берег Самарки от элеватора до Волги, так же была отрезана, но благодаря знакомству дружинников с городом, нам удалось без больших потерь дойти боковыми улицами до Волги, сесть на пароход «София» и отплыть под градом пуль с крыш домов и колоколен...

Через час мы догнали теплоход «Меженин», на котором находился Самарский ревком, Я получил по рупору приказание: «находясь в арьергарде, держать курс на

Сенгилей»... Постепенно мы удалились от Самары, и снаряды чехов, посланные нам вдогонку, не причинили нам вреда...

В тот же день, 8 июня в Самаре комитет членов учредительного собрания, в составе И. Буршвита, В. Вольского и Б. Фортунатова, выпустил свой исторический приказ № 1 по городу и губернии об организации комитета членов учредительного собрания, об отмене советской власти и о передаче власти на местах органам самоуправления. Командование всеми белогвардейскими силами в городе и губернии возлагалось на военный штаб в составе нач. штаба полковника Галкина, бывшего комиссара румынского фронта Боголюбова и членов учредительного собрания Фортунатова и Нестерова...

По занятии Самары чехо-словаки и белогвардейские группы начали наступать на четырех главных направлениях: Бугульминском, Ставропольском, Сенгилеевском и Сызранском. Не останавливаясь на других участках и «фронтах», я как организатор и командир «Сенгилеевского фронта» дал в общих чертах характеристику партийных партизанских отрядов, действовавших на этом участке. Впоследствии из них выросла первая регулярная стрелковая дивизия Красной армии на Востоке, получившая от РВС Республики название «24-я Самаро-симбирская железная» за беспримерные в истории подвиги и походы на Востфронте.

Зачатки управления.

После первых неудач красных отрядов в борьбе с чехо-словаками центр 13 июня назначил¹ для руко-

¹ Приказ Наркомвоена за № 632 от 13/VI.

водства всеми действиями по подавлению восстания чрезвычайный военный совет в составе главкома Муравьева и комиссаров тт. Кобозева и Благонравова.

Днем раньше для руководства операциями в сызранском и симбирском направлениях были организованы так называемые «группы войск»¹. В состав Симбирской группы войск под командованием губвоенкома Иванова вошли все красногвардейские части, действовавшие на Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском направлениях. По прибытии в Симбирск (кажется 10 июня) в тот же вечер состоялось военнополитическое совещание под председательством т. Куйбышева. Ближайшим поводом для совещания послужила телеграмма, поступившая в штаб симбирской группы войск о том, что отряд казанских моряков (большею частью максималистов), не выполнив данной ему боевой задачи на Бугульминском фронте, самовольно возвращается обратно в Симбирск с враждебными намерениями против советской власти. Попытка задержать поезд с матросами, предпринятая на пути Мелекес-Верхняя Часовая, не увенчалась успехом. Матросы около 300 чел. имели много пулеметов и двухорудийную батарею. При малейшем осложнении можно было опасаться повторения самарского «бунта».

После продолжительного совещания решили поднять на ноги все имевшиеся в то время вооруженные силы и попытаться вступить с матросами в переговоры. Была создана специальная комиссия. Меня также, как имеющего уже «опыт», включили в состав комиссии, «по уговору», как мы тогда ее называли.

Когда эшелон с матросами прибыл на ст. Симбирск, мы пошли к ним. Моряки ответили, что готовы сражаться за советскую власть, но хотят оставаться на Волге,

¹ Приказ т. Мясникова за № 7 от 11/VI.

не желая подчиняться тем командирам, которые оперировали на бугульминском направлении ¹. После того как мы предупредили их, что второй случай дезертирства с фронта и неповиновения боевому приказу с их стороны повлечет за собою беспощадную кару, матросы дали обещание беспрекословно исполнять свои обязанности ². Отряд их, включая и 2-ю казанскую батарею, подчинили мне.

Через пару дней, получив приказ Ревкома «наступать на Самару через Сенгилей», я, приняв все дружины Самары под свое командование—направился в Сенгилей.

Сенгилеевский «фронт» (схема 1).

Сенгилеевский «фронт» в середине июня 1918 г. имел протяжение не более 30 километров и тянулся от д. Климовки (на правом берегу Волги) до деревни—Кузкино. На нем оперировали следующие рабочие дружины:

1. Симбирский коммунистический отряд . .	150	штык.	и 5 пулемет
2. 1-й Симбирский эскадрон	70	саб.	—
3. Боевая дружина коммунистов г. Самары	60	штык.	4 пулемета.
4. Самарская дружина левых эсеров	75	штык.	9 »
5. Тверской коммунистический отряд . . .	180	»	2 »
6. Коммунистический отряд города Казани .	250	»	— »
7. Казанский социал. батальон моряков . .	81	»	— »
8. Сенгилеевский коммунистический отряд	49	»	6 »
9. Козловский и нижегородский отряды . .	41	»	2 оруд. 1 пул.
10. 2-я Казанская советская батарея	125	»	3 оруд. —

¹ На бугульминском направлении очень неудачно руководил боевыми действиями совершенно незнакомый с военным делом т. Пугачевский.

² Впоследствии моряки-максималисты не выполнили своего обещания, и отряд постепенно растаял, ибо их командир сбежал, за ним последовал вскоре и его заместитель.

Отряды эти находились под общим моим командованием и из них был составлен один сводный отряд Самарских боевых дружин.

Штаб сводного отряда для удобства передвижения и связи помещался на пассажирском пароходе «Нижегородец» у пристани «Новодевичье». Штаб состоял из командующего, начальника штаба, делопроизводителя, коменданта и шести конных ординарцев.

Приказы писались карандашом на лоскутках бумаги и скреплялись печатью одной из дружин.

Оперативные планы вырабатывались единолично командующим, имевшим при себе единственный экземпляр карты-десятиверстки старого издания. Директив, приказов из Симбирска не поступало.

Самостоятельно ведя операции, приходилось учиться на своих ошибках.

Среди дружинников царил высокий наступательный порыв, чему способствовали популярность и влияние командиров, выдвинувшихся из среды товарищей боевыми достоинствами, инициативой и находчивостью. Несмотря на господствовавший в то время принцип выборности комсостава, в отрядах сенгилевского фронта командиры в большинстве своем назначались старшим начальником, причем последний руководствовался при назначении, помимо храбрости и опытности данного лица, также симпатиями, доверием и уважением к нему дружинников.

Таким образом на командные должности выдвигались лучшие дружинники, более или менее знакомые с военным делом. Среди комсостава было четыре бывших офицера, остальные кадровые унтерофицеры или рядовые фронтовики, все добровольцы.

Политработа велась крайне неорганизованно, так как ни политотделов, ни комиссаров в то время не было.

Командир, отряда был одновременно и комиссаром, и лектором, и санитаром, и разведчиком, и судьей.

Только в конце июля отдельные политические работники по инициативе и настоянию командующего организовали «юридическо-следственную комиссию», членами которой были дружинники коммунисты: тт. Лившиц, Панов и Самсонов. Эта комиссия выполняла роль и политотдела, и трибунала, и особого отдела.

Агитационная работа протекала весьма успешно. Ежедневно проходили партийные дискуссии и собеседования на политические темы.

Снабжались наши отряды без всякой системы, плана и отчетности. Преследовалась одна цель: накормить досыта, одеть и вооружить партизана с ног до головы. Все отряды имели собственные авансовые суммы, самостоятельно закупали по вольным ценам продукты у крестьян. Случаи грабежей и бесплатных реквизиций наблюдались редко, причем виновники жестоко карались.

Сухопутного транспорта мы не имели, так как особые условия гражданской войны на Сенгилеевском участке заставляли драться большей частью на пароходах.

Санчасти и медикаментов вначале не было. Впоследствии соответственно количеству отрядов удалось сформировать 10 фельдшерских летучек. Связь с Симбирском, где находился штаб симбирской группы войск поддерживалась по гражданскому телеграфу. Чувствовалось, что за каждым шагом красных партизан следят враги и предатели. Таких много оказалось среди телеграфных служащих. О том, насколько сильна была в отрядах сенгилеевского фронта тяга к централизации, свидетельствует следующее: нередко в минуты опасности, по настойчивому желанию дружинников, командиры мелких отрядов вызывали на поле сражения командующего для личного руководства операциями. С

другой стороны, и штаб группы всеми силами старался наладить связь с Симбирском и связаться с центром.

Партизаны Волги, все без исключения добровольцы, среди которых находилось не мало рабочих самарских и **симбирских** заводов: многие побывали на фронтах и все обладали отличной революционной зарядкой.

Мы не знали, что такое дезертирство и как можно попасть в плен или сдать врагу. Помню следующий эпизод. После организации Железной дивизии из штаба 1-й армии, только что формировавшегося, пришла телеграмма с приказанием организовать «комдезертир».

Мы все смеялись над этим непонятным словом и ответили кратко: «у нас дезертиров нет и нет надобности в такой организации»...

Измена Муравьева и падение Симбирска.

● Для наступления на Сызрань, которая уже вторично была занята чехами, и на Самару главноком **Муравьевым** применялась своеобразная система. Сидя в Казани, он лично управлял каждой группой и дружиной, не считаясь с тем, что к тому времени они уже вошли в состав 1-й революционной армии под командованием т. Тухачевского. Игнорируя нового командующего, Он направлял или **отзывал** эти отряды по своему усмотрению.

Муравьев действовал несколькими мелкими группами, не имевшими между собой никакой связи. Он бросал эти небольшие отдельные и разбросанные дружины в наступление на Самару по разным направлениям. В результате ни одна группа не являлась организованной боевой силой, и **противник разбивал их по одиночке**, так как помощи ждать было неоткуда. В частности введенный мне «сводный отряд» не раз получал непосред-

ственно от Муравьева телеграммы с противоречивыми заданиями: то «обороняйся», то «отходи»...

То «наступая», то «отступая» в районе Новодевичья, мы потеряли целый месяц. 10 июля я получил наконец срочную телеграмму приблизительно следующего содержания: «Всем, всем, всем... Войскам Сибири и чехословацким войскам—Уфа—Владивосток. Война с Германией началась. Объявляю перемирие на всем Восточном фронте. Предлагаю всем чехословацким корпусам вернуться к Волге и идти вместе с нами против Германии. Вверенным мне войскам приказываю прекратить боевые действия и наступления на Самару и т. д.» Вслед за этим я получил телеграмму от Симбирского губвоенкома, подписанную левым эсером Ивановым, с приказанием «немедленно направить в Симбирск дружину левых эсеров и максималистов».

Обе эти телеграммы, ясно говорившие об измене, как гром ошеломили нас. Что делать, как поступать?

Мною было немедленно созвано совещание коммунистов—активных партработников Самары и Симбирска. Оно приняло следующее твердое постановление, немедленно сообщенное в Симбирск и в дружины: «на Самару мы наступать будем и войны против чехославаков не прекращаем». Все отряды, в том числе и дружины левых эсеров и максималистов полностью присоединились к нашему решению.

Через два дня из Симбирска вернулся посланный нами товарищ и сообщил следующие подробности. Муравьев, будучи в связи с восстанием левых эсеров в Москве, 10 июля направился из ставки (Казань) на пароходе «Межень» в Симбирск, в сопровождении своего штаба и двух пароходов с вооруженными силами, около 1 000 человек. Прибыв в Симбирск, он разогнал Совет, арестовал председателя комитета партии тов. Варейкиса и командарма т. Тухачевского, захватил почту, телеграф и дру-

гие советские учреждения, намереваясь вместе с чехами двинуться на Москву. Центр и ревсовет фронта объявили бывшего главкома вне закона. Несмотря на то, что все левые эсеры — члены губисполкома и других советских учреждений Симбирска по приезду Муравьева перешли на его сторону, коммунистическая фракция не растерялась, и, укрепившись в кадетском корпусе (здание губисполкома), развернула энергичную работу по организации собственных сил и разложению войск Муравьева. Под руководством освобожденных латышскими стрелками тт. Варейкиса, А. Швера, В. Фреймана, и Я. Звирбуля комфракция решила, ввиду перевеса сил Муравьева, вооруженного сопротивления ему не оказывать, а захватить его, когда он явится в губисполком.

После продолжительной «програмной» речи на фракции левых эсеров в здании городского театра, Муравьев направился в губисполком вместе с эсерами на совместное заседание, чтобы привлечь на свою сторону и комфракцию.

Заседание губисполкома в первом часу ночи в быв. кадетском корпусе, окруженном броневиками и пулеметами, было необычайным. Для Муравьева это было последнее заседание. Через два часа его труп вынесли из губисполкома. Верной рукой красногвардейца 1-го латышского полка была закончена авантюристическая жизнь лево-эсеровского «Бонапарта».

Но авантюра Муравьева привела к серьезным осложнениям. Приказ о мире с чехо-словаками и предложение им вернуться на Волгу поставили Симбирск под угрозу... Вскоре чехо-словаки, перейдя большими силами в решительное наступление, заняли Бугульму, Мелекесс, Ставрополь и другие города.

Наши отряды стали в панике отступать на Симбирск. Везде и всюду красноармейцы видели измену и преда-

тельство со стороны левых эсеров. Одна из групп красногвардейцев, под названием «ставропольский отряд», наступавшая из Мелекесса на Самару, была окружена и прижата чехами к Волге (см. сх. 1). Одновременно чехи начали наступать на пароходах из Самары вверх по Волге к Сенгилею. Группа генерала Каппеля, захватившая Сызрань, перешла в наступление через Собакино и Тереньгу на Симбирск. 19 июля, заняв ст. Охотничья, группа Каппеля после артиллерийского боя ворвалась в Симбирск с запада. Началась паника. С криками «нас предали» небольшие рабочие дружины Симбирска оставили город и частью на пароходах, частью пешком бросились на север к Казани. Губисполком успел отступить в Буинск, а оттуда в г. Алатырь, который с этого момента стал центром формирования новых частей для будущей Железной дивизии, на долю которой выпала честь освободить родину Ильича, Симбирск, от белогвардейских и чехо-словацких банд.

Прерыв из Сенгилея.

В день падения Симбирска сводные отряды самарских боевых дружин вели ожесточенные бои с самарским белогвардейским полком имени Фортунатова на линии Горбуновка—Тайтаково—Ольгина—Климовка. Все попытки противника двинуться на Сенгилей были нами отражены. Имея сведения о том, что противник большими силами занял Тереньгу, отряды в ночь на 21 погрузились на пароходы и прибыли в Сенгилей для защиты города. 21 июля противник начал наступать по Волге. Подойдя на расстояние 2—3 километров от Сенгилея, он на пароходах «Вульф», «Вандал», «Фельдмаршал Милютин» и «Козлов» обстрелял артиллерией Сенгилей и пристань, где находилось 6 пароходов нашего

штаба и его отделов. Мы немедленно выдвинули по правому берегу батарею, которая, заняв позицию в 2—3 км южнее Сенгилея, открыла огонь по неприятельским парходам. Одновременно навстречу им смело вышел наш единственный боевой катер «Дело советов», на котором было только одно орудие. Неприятельские парходы вначале боя сосредоточили свой артиллерийский огонь на катере. Получив три пробоины в кормовой части, «Дело советов», после вспыхнувшего пожара вынужден был выброситься на берег, потеряв 5 моряков Балтийского флота.

Санитарный пароход «Фортуна» с 50 больными, стоявший рядом с «Дело советов» стал полным ходом уходить вверх по Волге, спасая раненых и больных, среди которых началась паника. Тогда неприятель, отлично видевший флаг Красного Креста, сосредоточил свой огонь по пароходу. Но благодаря искусным маневрам, произведенным по инициативе врача Николаева, быстро водворившего порядок среди хотевших броситься в воду матросов и пароходной прислуги судно удалось спасти. Из 10 выпущенных по судну снарядов, только один, разорвавшись у самого борта, осколком расщепил деревянные части верхней палубы и стенки каюты 2-го класса и контузил 2 человек.

Обстрел продолжался 2 часа, неприятельские парходы были отогнаны, после чего «Фортуна», отошедшая на 7 км, вернулась в "Сенгилей и вследствие отсутствия других свободных пароходов немедленно была отправлена в Белый Яр на левом берегу, откуда под покровом ночи перевезла несколько орудий и две сотни партизан со Ставропольского фронта. Стало ясно, что красные отступали по всему фронту.

В этот же день пришло известие о падении Симбирска.

Несмотря на то, что отряды сенгилеевской группы очутились в кольце противника и последняя надежда—

отступление по Волге—рушилась со взятием Симбирска, после совещания в штабе было постановлено, не сообщая партизанам об окружении их, попытаться прорваться сквозь неприятельское кольцо.

Всю ночь шли лихорадочные приготовления к эвакуации. Лишнее военное имущество, запасы снарядов и вооружения, находившиеся на пароходе» «Василий Лапшин» были потоплены в Волге, чтобы не достались неприятелю¹. Спешно упаковывалось необходимое военное имущество.

Под прикрытием темноты на правый берег переправились последние группы ставропольского отряда т. Павловского (в 1 000 человек с 5-6 орудиями); всем командирам отрядов разослали секретные инструкции о порядке следования.

Силы противника были неизвестны: каждую минуту можно было опасаться нападения или вторичного обстрела. Гнетущая неизвестность и безмолвие левого берега заставляли сжиматься сердца самых храбрых. Все командиры дружины, крайне утомленные, с момента первого выстрела до утра не переставали работать, хладнокровно отдавали спешные приказы, предусмотрительно вникая во все мелочи. Часть отрядов отправилась на пароходах в Шиловку, чтобы высадиться там, а затем соединиться с остальными в с. Рушне. Большая же часть отрядов в полном походном порядке, с конной разведкой впереди и дозорами на флангах, с обозом в центре и с артиллерией позади, должна была 22 июля утром выступить из Сенгилея по заранее намеченному маршруту.

Утром 22 июля пристань Сенгилея кишела народом и красногвардейцами. По сходням бежали взад и впе-

¹ В день падения Симбирска пловучая база-арсенал симбирской группы войск, находившийся на пароходе «Василий Лапшин», чьей-то преступной рукой был направлен не в Казань, а в Сенгилей.

ред люди и вытаскивали винтовки, зарядные ящики (припасы, обмундирование, белье и всякое имущество). На берегу лежали груды тюков, ящиков, узлов. У цейхгауза происходили отвратительные сцены мародерства, вследствие объявления о раздаче беднейшему населению Сенгилея военных запасов: мирные жители (среди которых были и спекулянты) кинулись расхищать запасы, из-за обладания которыми происходили драки и перебранки. Было согнано 600 подвод, которые спешно нагружались припасами, оружием и людьми. Стремилась вывезти все, но кое-какое громоздкое имущество пришлось бросить в Волгу. Все орудия были готовы к отъезду, раненых и больных положили на подводы.

Одновременно с нами эвакуировался и сенгилеевский исполком со всеми советскими работниками, увозивший все документы и всю наличность казначейства.

Толпа любопытствующих горожан глазела на бесконечную вереницу подвод, начавших выезжать из города в 12 часов дня. *

Неприятель не показывался, и в 2 часа из города выехала последняя подвода.

В 4 часа дня Сенгилей был занят белогвардейским отрядом, который однако, не рискуя тотчас преследовать красных, занялся наведением «порядков» и ожиданием подкреплений. Они вскоре прибыли и осторожно пустились вслед за отступившими сенгилеевцами, занимая оставленные ими селения.

Маршрут, избранный нами, был крайне извилист и без дорог, смысл его был в том, чтобы избежать преследования и не показываться в районе Тереньга—Ясашная—Ключище, где по сведениям находился неприятель.

22 июля отряд, получивший название «Сводного сенгилеевско-ставропольского отряда», под общим моим командованием ночевал в Тушне, где по настоянию части больных, не желавших ехать дальше на тряских

подводах и требовавших отправления в больницу, 14 человек было отправлено в Тушинскую больницу, где их расстреляли пришедшие на следующий день чехословаки.

Днем 23 июля приближаясь к Солдатской Ташле, разведка сенгилеевских отрядов, обстрелянная неизвестными отрядами, открывшими пулеметный огонь, потеряла убитыми двух красноармейцев.

Немедленно по приказанию начальника сводных отрядов, выехала вперед наша легкая батарея и несколькими залпами рассеяла противника. Очистив путь, красные сенгилеевцы двинулись дальше.

Как потом оказалось, это была разведка 1-го Мценского полка т. Толстого, который занимал район Кочетовка, но основываясь на неверных данных своей разведки, стал отступать к Инзе, считая нас за белых.

2-я стоянка была в деревне Суровке, куда прибыли ночью, промокшие от страшного ливня, и разместились кое-как до рассвета, когда было приказано выступить на Воецкое.

В Суровке все служащие и красноармейцы получили жалование, так как ввиду скудного питания консервами и хлебом, отступающим приходилось покупать продукты у крестьян.

Относились к местному населению хорошо, требовали лишь постой и смены подводы: за подводы и фураж расплачивались наличными; 24 вечером Сенгилеевцы прибыли в большое село Воецкое, где ночевали третьей ночью. Здесь наша разведка расстреляла шпиона; он принял разведчиков за белых, дал им сведения о проходивших незадолго перед тем красных войсках (повидимому т. Толстого).

25 июля вечером, после небольшого привала в селе Карлинском, отряд благополучно достиг ст. Майна, где не было ни белых, ни красных. Он, пересекая ее, дви-

нулся дальше на Сергиевку—Аксаково, где и остановился.

26 июля отряды собрались на линии ст. Майны, выставили разведку по направлению к разъезду Выры.

Опередив разъезд, я поехал на автомобиле к ст. Чуфарово, связаться со штабом 1-й армии, о котором было известно, что он формируется в Инзе ¹.

С большим трудом мне удалось переговорить по телеграфу из д. Аненково с т. Куйбышевым и т. Тухачевским и заставить их поверить, что весь Сенгилеевско-ставропольский отряд, числом в 3 000 человек со всем обозом и артиллерией благополучно вышел из крайне опасного положения.

Впоследствии выяснилось, что неприятельские части были по близости, но повидимому, осведомленные о численности нашего отряда, уклонились от встречи с нами.

С присоединением Сенгилеевско-ставропольского отряда к 1-й армии партизанский период закончился.

Вот с этого-то момента и был заложен фундамент 1-й регулярной дивизии. Процесс превращения партизанских отрядов в регулярную армию на Волге совершился не только безболезненно, но вызвал общее ликование как партизан, так и их начальников. С присоединением сенгилеевско-ставропольских отрядов к 1-й революционной армии на Востоке начался новый период — период строительства регулярной армии — предпринятый соединенными силами под начальством тт. Тухачевского и В. Куйбышева.

¹ Узнав на ст. Чуфарово, что утром того же дня поспешно отошли на запад какие-то отряды Красной гвардии, я по ж.-д. телеграфу по линии дал нижеследующую телеграмму: «Начальнику красного отряда. Именем революции прошу вернуться обратно на ст. Майна для совместного наступления на Симбирск» Тов. Толстой получив мою телеграмму предполагал, что чехи хотят его заманить в ловушку и что моя подпись подложная.

Формирование 1-й Симбирской дивизии

По ликвидации авантюры Муравьева, командующим Восточным фронтом был назначен заслуженный боевой командир т. Вацетис, который со дня приезда в Казань сделал очень много для формирования регулярной Красной армии на Волге. С такой же энергией по реорганизации 1-й революционной армии работал на станции Инза ревсовет в составе тт. Тухачевского, Куйбышева и Калнина. Всюду шла кипучая работа, партизанские и красногвардейские дружины переформировывались в роты, батальоны, полки. После присоединения к Революционной армии, я получил приказ сформировать из сводных отрядов самарских боевых дружин стрелковую дивизию, которая должна была оперировать в направлении на Симбирск.

По нашей просьбе и по желанию красногвардейцев дивизия получила вначале название «1-я Симбирская».

Из всех отрядов ~~самарских боевых дружин были сформированы~~ два полка: 1-й и 2-й симбирские.

В начале августа в распоряжение 1-й Симбирской дивизии прибыли Витебский полк, бронепоезд № 5 т. Седякина¹ и Карачаевский эскадрон. К 10 августа должна была прибыть из Москвы только-что сформированная Курская бригада т. Азарха, состоявшая из трех полков—Московского, Крестьянского, Орловского.

В районе Майна—Чуфарово началась лихорадочная подготовка частей, переформирование полков и сколачивание штабов. Приходилось заново и почти из ничего создавать строевые части, штабы, тылы и различные учреждения. По разным местечкам и уездным городам Симбирской губ. нашлась масса всякого военного до-

¹ Ныне инспектор пехоты РККА.

бра. В наше распоряжение попали пушки, винтовки, повозки, снаряды и пр. Губисполком Симбирска, находясь в Алатыре, не покладая рук работал и всячески помогал нам. Штаб армии, объявив мобилизацию старых офицеров в Пензенской губ., выслал в дивизию штабных работников, техников, артиллеристов, инженеров, строевых командиров и политработников. Из орудий и батарей мы создали артдивизионы, из повозок и подвод-транспорт.

Постепенно как будто из-под земли выросли все новые и новые аппараты и отделы: снабжения, санитарии, ветеринарии, трибунал, подив, штадив и пр. органы управления.

Рядом с начальником, занимающим ответственный пост, согласно утвержденного штата, поставили выдержанного члена нашей партии, комиссара, который обязан был смотреть в оба—чтобы не повторилось подобное авантюре Муравьева.

В деле поднятия дисциплины большую роль сыграла широкая политическая работа. Дезертирство, грабежи, пьянство, разбой и пр. карались беспощадно. За малозначительные на первый взгляд поступки наш дивизионный трибунал при полной поддержке штадива выносил высшую меру наказания—расстрел, не считаясь ни с должностью, ни с заслугами обвиняемого.

Помню случай: старый комендант штаба Сушко, посланный на ст. Чуфарово отыскать помещения для штадива, брал взятки от местных кулаков, освобождая за это их дома от постоя. За подобное преступление он был расстрелян в тот же день на глазах жителей ст. Чуфарово. Такими беспощадными мерами приобреталась двойная польза: во-первых, в глазах местных жителей сильно поднялся авторитет дивизии и, во-вторых, военная дисциплина была поставлена на должную высоту.

Штаб дивизии 29 июля перешел в с. Аненково. Приказом по армии командиром дивизии был назначен я, военком дивизии—неразлучный мой соратник и друг т. Лившиц, а начальником штаба—неутомимый работник т. Вилумсон.

Первое неудачное наступление на Симбирск (схема 1)

Части дивизии к 8 августа занимали фронт: левый фланг—Тагай-Абрамовка, правый — Ляховка-Воецкое. 11 августа, еще не вполне оправившись, полки молодой дивизии по стратегическим соображениям (чтобы отвлечь внимание противника от Казани) были двинуты в наступление на Симбирск. Когда левый фланг дошел до сл. Арская, на него напал офицерский батальон белых. Бой длился до 11 часов утра 12 августа. Наши части несколько раз переходили в штыковую атаку, причем особенно отличилась Смоленская батарея; оставшись без прикрытия, она картечью отбила атаку белых. В результате боя противник понес большие потери, среди убитых было 8 высших офицеров (капитаны и полковники), в том числе командир офицерского батальона.

В этот день прибыли Московский и Крестьянский полки бригады т. Азарха, который получил левый участок дивизии. За отсутствием разведки, охранения и вообще ввиду слабой подготовки Курской бригады, она 13 августа получила неожиданный удар из д. Отрада. Бригада дрогнула, в ее молодых частях началась паника и дезертирство. Комбриг т. Азарх во время боя погиб смертью героя под д. Отрада. С поражением и отходом остатков бригады создалась угроза и правому флангу, состоящему из 1-го и 2-го симбирских полков, которые с боем уже дошли до д. Ключищ. Одновременно кон-

ница противника, обходя наш левый фланг, зашла в тыл и подорвала ж.-д. мост у разъезда Выры. Ст. Охотничье, где находился штаб дивизии, подверглась бомбардировке и штыковой атаке офицерского батальона. Штадиву и его сотрудникам пришлось собрать всех находящихся поблизости и повести их в контратаку через лес в общем направлении на д. Отрада. Находящийся при штадиве Карачаевский эскадрон был направлен туда же в обход леска, что севернее ст. Охотничье.

Когда Карачаевский эскадрон очутился в тылу у противника, а с фронта с мощным криком «ура» появились наши цепи, враг дрогнул. Не приняв штыкового боя и оставив на поле сражения много убитых офицеров, белые поспешно отошли на Отрады, преследуемые конницей.

Несмотря на эту удачу, левый фланг дивизии был оголен, что вынудило отвести на исходное положение и правый фланг. Тов. Седякину пришлось к его горю расстаться со своим любимым бронепоездом № 5, который пришлось взорвать, так как за отсутствием материалов подорванный мост в нашем тылу восстановить было нечем. Таким образом, первое наступление на Симбирск оказалось неудачным. Блестящие в параде полки 1-й Курской бригады оказались невыдержанными в бою. Причина поражения скрывалась в недостаточной боевой подготовке частей, плохой организации разведок, охранения и связи.

Урок неудачного наступления не прошел даром для нашей дивизии. Потрепанную и окончательно деморализованную Курскую бригаду пришлось отвести в тыл и привести в боевой порядок. С новыми силами принялись за работу. В штаб стали прибывать добровольцы — рабочие и крестьяне окрестных сел; на объявление о приеме добровольцев первыми отозвались села Поповка и Игнатовка, вблизи которых находилась суконная фа-

брика. Прибыли все рабочие (около 300 человек) со своим оркестром. Многие деревни и суконные фабрики послали к нам лучших своих сыновей. В короткое время наши ряды пополнились свежими крепкими добровольцами и новобранцами из Симбирской губернии, большую часть которых составляли фронтовики старой армии.

В начале сентября штаб 1-й армии стал присылать нам подкрепления. Прибыл кавдивизион т. Боревица, зенитная батарея из 3 орудий на автомобилях и 3 аэроплана. Ст. Чуфарово ожила. Настроение у всех поднялось. Было решено во что бы то ни стало на этот раз освободить родину Ильича—Симбирск. Это решение было принято красноармейцами единогласно, когда им стало известно, что Ильич ранен.

Подготовка к атаке Симбирска (схема 2).

• Для отвлечения внимания противника от Симбирского направления и для поддержки Инзенской дивизии, наступавшей на Сызрань, правофланговый Витебский полк 25 августа начал наступление на Кузоватово в тыл противнику, теснившему Инзенскую дивизию.

Заняв с боем 26 августа д. Бештановку, Витебский полк стремительно двинулся на ст. Кузоватово, куда и подошел с большими боями 27 августа. Противник, благодаря стремительному фланговому маневру витебцев, поспешно отошел в район Безводовка—Студенец. Инзенская дивизия получила возможность выйти к реке Томышовка, после чего Витебскому полку было приказано вернуться к 7 сентября в д. Игнатовку.

К 8 сентября Симбирская Железная дивизия занимала линию Прислониха—Аксаково, Карцевка—Сосновка, Игнатовка.

К тому времени части дивизии уже делились на две пехотных бригады: 1-я бригада состояла из 1-го и 2-го Симбирского и Витебского полков, Симбирского эскадрона и 3 батарей, всего 1 692 штыков, 84 пулемета, 83 сабли, 11 орудий и 1 бронепоезд. 2-я бригада состояла из 1-го Курского, Московского, Крестьянского, Орловского, Интернационального полков, Карачаевского эскадрона при 2 батареях и всего 1910 штыков, 105 сабель, 50 пулеметов и 8 орудий.

1-й бригадой (правый фланг) командовал т. Павловский, 2-й бригадой (левый фланг) т. Недзвецкий, артбригадой—т. Мироевский. Всего в дивизии насчитывалось 3 700 штыков, 118 сабель, 114 пулеметов, 19 орудий. По разведывательным сводкам, по данным, попавшим в наши руки после взятия города у белых, выяснилось, что силы противника состояли из следующих частей: 1-й и 2-й Симбирские (белые) полки, батальон чехо-словаков, офицерский батальон (инструкторский) инженерный батальон, мелкие отряды и роты, дивизион легкой артиллерии, тяжелый дивизион, 2 броневика с тяжелыми орудиями, а всего 3 000 штыков, 22 орудия и 200 сабель конницы.

План операции был построен на быстром широком развертывании частей и стремительном концентрическом движении, с охватом противника с обоих флангов. Для выдержанности удара мы не тревожили противника до последнего момента.

8 сентября из штарма I пришел приказ с задачей: «Овладеть Симбирском коротким энергичным ударом».

Весь день 8 и всю ночь 9 сентября в штабах кипела работа, все готовились к бою, писались приказы, распоряжения, посылались разведка...

Наконец в 16 часов был дан приказ, о наступлении дивизии на Симбирск с утра 9 сентября.

Взятие Симбирска (схема 2).

С рассветом 9 сентября войска **повели** наступление и, отбросив мелкие **части** противника, **неудержимой лавиной** двинулись вперед. Только в районе д. Каменка—Ртищево и ст. Выры противник оказал упорное сопротивление, но, будучи обойденным с флангов, бежал, оставив много убитых и раненых и пулеметы. К вечеру **части** достигли рубежа Юшанок, Опалиха, Софьино, Каменка, Ртищево, Крюковка.

10 сентября с утра части дивизии повели дальнейшее наступление. Противник в этот день оказал более упорное сопротивление и лишь после **обхода** с флангов в направлении Белый Ключ и Авдотьино—он вынужден был отойти на линию Ключище, Бухтеевка, Ивановка, Тетюшское.

У ст. Охотничья произошел кровопролитный бой, где отличился Интернациональный полк, наголову **разбив** белых и взяв много пленных, мобилизованных **крестьян** молодых возрастов, большей частью чувашей и татар, обутих в лапти и очень плохо обученных. **Перед ст.** Охотничья белые вырыли окопы и сделали проволочные заграждения, которые **однако не** остановили красных бойцов. В **этот день** почти по всей линии **фронта** шли бои с упорно оборонявшимися белыми. Железная дивизия стремительным натиском смяла и **гнала** врага безостановочно.

К вечеру 10 сентября уже была занята линия: Ключище—Охотничье—Арская Слобода. 5-й Курский полк занял Нагаткино, а дивизион т. Боревица—Шумовку.

Части получили наставление для взятия города: **не** задерживаясь, проходить город и занимать **указанные** места. Указывалось также на недопустимость каких-либо насилий над мирным населением. Заранее были наз-

начены полки для охраны города и им дана соответствующая инструкция.

11 сентября наступление повелось более оживленно, настроение красноармейцев приподнялось. Близость города давала уверенность в том, что он будет взят. В этот день на всем фронте дивизии шел ожесточенный бой. Белогвардейцы (надо быть справедливым) сражались образцово и стойко, наши не хуже. На правом фланге грудь с грудью сошлись 4 симбирских полка—два белых, два красных...

Белые не выдержали. Противник отошел, оказывая местами упорное сопротивление.

1-й Красный симбирский полк уже переправлялся через Свиягу, залпами отогнав неприятеля, пытавшегося разрушить ж.-д. мост. Наиболее упорное сопротивление противник оказывал в деревнях Баратаевка, Отрада, Белый Ключ. Защищать Отраду был выставлен отряд чувашей, незадолго перед этим мобилизованных белыми. Эти невольные защитники, оборванные, разутые, голодные, необученные, почти все погибли на поле сражения; Оставшиеся были взяты в плен и отпущены на свободу.

На правом фланге дивизии, ввиду стремительного нажима 1-го Симбирского полка, белые выставили инструкторский батальон в Винновской роще, но войска со стороны Свияги зашли им в тыл, и офицерский батальон был истреблен почти поголовно. К позднему вечеру 3-го дня части дивизии заняли линию Кременки, Белый "Ключ, Вырыпаевка, Баратаевка, Сельдинское, Лаишевка.

Из района Карлинская 5-я батарея открыла огонь по северо-восточной и западной окраинам города. Чтобы не стягивать части ночью в городе, решено было атаковать Симбирск 12 сентября с рассветом. В тот же

день кавдивизион т. Боревица, заняв г. Тетюши, отрезал Волгу с севера.

12 сентября утром, развернувшись в цепь, войска дивизии неудержимой лавиной перешли в атаку. Противник вначале упорно сдерживал натиск, но части 1-го Симбирского полка, во главе с т. Устиновым, с криком «ура» ворвались на южную окраину города через Киндяковку. В 12 часов с востока ворвался в город 1-й Курский полк во главе с т. Седякиным. В 12 часов 30 минут Симбирск был взят окончательно.

В тот же день по радио полетела в Москву следующая телеграмма: «Дорогой Илч! Взятие Вашего родного города—это ответ за одну Вашу рану, а за другую — У^т—Самара».

При нашем входе в город белогвардейцы оказали небольшое сопротивление. Из углов раздались выстрелы, а у городского сада по нас открыли ружейный огонь, но все это было скоро ликвидировано. Несколько продолжительней тянулась перестрелка у железного моста через Волгу. На мосту стоял бронированный поезд противника, который стал в свою очередь обстреливать город.

Трогательно было освобождение из губернской тюрьмы красноармейцев и сторонников советской власти. Освободили в тот день около полутора тысяч людей. Нас окружила толпа освобожденных, оборванных, грязных и бледных товарищей, которые целовали нас, плакали от радости и кричали «ура».

Наша артиллерия, расположившись в центре города, на Смоленской улице и на Завьяловской площади стала громить отступающие в беспорядке обозы противника. В руки Красной армии попала большая военная добыча.

Насколько поспешно отступали белые, видно уже из того, что на правом берегу они оставили весь обоз

й артиллерию: **четыре** тяжелых орудия **им** пришлось бросить в Волгу. Много белых, в особенности только что мобилизованные из ближайших сел, побросав оружие в садах Подгорья, в беспорядке убегали по правому берегу Волги вверх по течению. Их уже не преследовали. Все три аэроплана противника попали в руки красноармейцев: 2 из них мы забрали в плен при д. Баратаевка и Киндякова, а Один сожгли у моста через Свиягу.

На ст. Киндяковка нам досталось много вагонов с военным имуществом белых.

Войска, посланные за Волгу в 12 час. ночи с большим успехом выполнили **поручение** выбить укрепившиеся в В. Часовне **неприятеля**. Белые бежали в Мелекесс, оставив огромное количество оружия, **патронов** и много вагонов вещей, даже канцелярию штабов.

О том, с какой легкостью произошло занятие Симбирска, свидетельствует сравнительно малое количество жертв со стороны Железной дивизии: лишь при переправе через Волгу мы понесли небольшие потери. Со стороны белых пало не менее тысячи человек. Наши санитары подбирали на поле сражения раненых белогвардейцев и отправляли их вместе со своими ранеными в дивизионные лазареты. Такого великодушия со стороны белых не наблюдалось.

При наступлении на Симбирск все командиры Железной дивизии шли в цепи вместе с красноармейцами. Штаб дивизии также не отставал.

Некоторые из батальонных и ротных **командиров** при наступлении получили ранения.

Не дав опомниться противнику, мы предприняли наступление в трех направлениях: по Буинскому тракту, вниз по течению Волги и **за** Волгу. Во всех перечисленных направлениях войска Железной дивизии одержали славные победы. Особенно отличились в боях полки: 1-й Симбирский и **1-й** Курский.

При эвакуации Симбирска белыми бежала вся буржуазия и большая часть интеллигенции, напуганная провокацией белых о предстоящей поголовной резне и о том, что на Волгу двигаются якобы немцы.

Буржуазия платила по тысяче рублей за лодку.

В первое время обыватели попрятались. Выпущенные из тюрем без нашего ведома уголовные вначале стали бесчинствовать. 13 сентября по дивизии был издан приказ, где говорилось: «Мародеров арестовывать и расстреливать без суда. В городе должен быть водворен строжайший порядок». 15 грабителей в красноармейской форме были расстреляны.

В течение трех дней революционный порядок был восстановлен. Комендантом города, объявленного крепостью, назначили тов. Воробьева. Из Алатыря приехал городской и губернский исполкомы. Симбирск, родина Ильича—стал советским городом.

Оборона Симбирска (схема 2).

После взятия нами Симбирска, белогвардейские и чехо-словацкие части, как мы уже сказали, отошли в направлении на Мелекесс.

Повидимому белое командование решило вторично захватить Симбирск, для чего оно стало перебрасывать из Уфимского направления свежие силы. В частности отряд генерала Каппеля, в несколько тысяч штыков, предпринял энергичное контрнаступление на Симбирск из Мелекесса.

Неустойчивые части Орловского и Крестьянского полков (входивших прежде в Курскую бригаду) под натиском белогвардейских банд отступили на правый берег. 16 и 17 сентября белые, занявши вновь Н. Ча-

СОВНЮ и имея артиллерию в районе В. Часовни, начали обстреливать Симбирск. Батальон **1-го** Симбирского полка, будучи выдвинут на левый берег Волги, наткнулся в районе патронного завода на проволоку, и его атака успеха не имела. Надо отметить, что оставшаяся часть рабочих патронного завода в этот период находилась еще под идейным влиянием меньшевиков и эсеров. Они не оказали нам нужной поддержки. Пришлось отвести наши части на правый берег с тем, чтобы, выиграв время, подготовить новый удар в другом направлении. Защита ж.-д. моста **была** поручена Интернациональному полку; под убийственным пулеметным огнем белых бесстрашный комполка т. Варга с горстью храбрецов не только отстояли переправу, но захватили у белых на том берегу несколько пулеметов. Во время героической битвы на мосту погибло **17-то-**варищей—интернационалистов, братская могила которых теперь украшает главный парк Ульяновска-Венец.

18 октября чехи и белогвардейцы прочно заняли левый берег, а мы—правый. Мост остался на нейтральной зоне и обстреливался как с нашей стороны, так и со стороны противника. С обеих сторон **подготавливали** новую операцию: **чехи—по** взятию Симбирска, а мы по их разгрому. А в это время усталые полки дивизии частью наступали через Теренгу на Сызрань, а частью очищали губернию севернее и южнее Симбирска, совершая одновременно указанную им перегруппировку.

Намечая полное окружение и разгром белых, мы просили т. Вацетиса срочно выслать нам из Казани речную флотилию для переброски 5-го Курского полка **вверх** по Волге на пристань Майна и часть сил вниз по Волге на Красный Яр с тем, чтобы обходным и концентрическим ударом окружить белых в районе В. Часовни. Ввиду того, что флотилия задерживалась прибытием, белые вели четыре дня артиллерийский обстрел

Симбирска. Жизнь в городе вновь замерла, по ночам не было огней, и жители попрятались в подвалах. Хотя снаряды противника падали большей частью на пристань, в городе все же было несколько разрывов, вызвавших пожары и жертвы.

24 сентября противник усиленно обстреливал ст. Симбирск. В слободке Туть и на станции от снарядов сгорели дома и были жертвы.

Положение создалось довольно серьезное, тем более, что в это время Симбирск оборонялся одной лишь артиллерией, а мост—несколькими сотнями храбров-интернационалистов. Район пристани защищал 1-й Симбирский полк, славный командир которого (т. Устинов) был тяжело ранен. Наше положение осложнялось еще и тем, что одновременно приходилось воевать с артиллерией, бронепоездами противника, пожарами и паникой, возникшими в городе. Несколько снарядов противника попали в здание штаба дивизии (бывш. кадетский корпус), но особого вреда не причинили. Бронепоезда противника то и дело подходили к мосту и обстреливали его западный край, где окопались наши доблестные интернационалисты. В то же время чехи неоднократно пытались переходить мост и ворваться в город, но каждый раз они отходили обратно, оставляя на мосту много трупов.

В конце концов от частого обстрела города, от возникших пожаров и злостных слухов в городе создалось паническое настроение. Губисполком, погрузившись в вагоны, переехал на Киндяковку¹.

¹ Помню следующий эпизод: для связи и информации один из членов исполкома постоянно дежурил в штабе дивизии. Однажды, вернувшись с моста, где шел горячий бой с наступающими чехами, я застал дежурившего товарища в очень беспокойном настроении. Дабы успокоить его, я указал на какую-то кнопку на моем письменном столе (кажется от звонка к начальнику штаба) со следующими

Наконец 24 сентября ночью из Казани прибыла долгожданная флотилия. 5-й Курский полк, погрузившись в темноте севернее города на пароходы, направился вверх по Волге на пристань Майна с задачей ударить по тылам противника и выйти на ст. Бряндино. Часть сил прибывшей правобережной группы войск получила приказ высадить десант на левом берегу Волги, к югу от Симбирска в д. Красный Яр и Городище, с задачей ударить в направлении на В. Часовню—Мелекесс—на перерез частям белых, наступавших на Симбирск (см. схему 2).

25 ночью вся артиллерия дивизии, занявшаяся Нов. и Ст. Венец, открыла ураганный огонь по В. и Н. Часовням и по патронному заводу.

Город до утра дрожал от несмолкаемого гула наших батарей.

Чтобы прогнать бронепоезда противника и дать возможность 1-му и 2-му Симбирским полкам перейти мост и атаковать белых, со ст. Симбирск ровно в 24 часа был пропущен через мост пустой, огромный товарный паровоз, который со страшной быстротой исчез в ночном мраке.

За паровозом через мост, по боковым дорогам гуськом лихо двинулись вперед два Симбирских полка. Опасный переход через мост, в ночной темноте, под

словами: — Успокойтесь, товарищ. Зачем так волноваться? Передайте губисполкому и всему населению, что чехи через мост никогда не перейдут. Мост минирован. Вот видите эту **кнопку,—провода** от электрического тока отсюда идут до моста, достаточно легкого нажима, и мост взлетит в воздух со всеми чехо-словаками, на нем находящимися.

Это помогло. Дежурный товарищ, как бомба, вылетел из **моего** кабинета и через час весь город **успокоился**, узнав, что мост минирован и конец проводов находится у меня под столом. В действительности конечно ничего подобного не было.

обстрелом пулеметов противника, мог быть неудачным. Но к счастью указанный **маневр** удался блестяще.

С рассветом 26 сентября чехи, потеряв у моста всех своих часовых и пулеметы, но успев взорвать восточный конец моста, быстро отступили на ст. Чердаклы.

Но противник уже опоздал, он попал в мешок, так как 5-й Курский полк 28 сентября занял у него в тылу от. Бряндино, а правобережная группа **войск—захватила** В. Часовню. Окруженные почти со всех сторон, белые рассеялись с огромными потерями, оставив в руках железных бойцов всю свою артиллерию и материальную часть.

Генерал **Каппель** еле спасся, говорят, что он удрал ночью в одном нижнем белье.

Оба берега Волги у Симбирска были прочно закреплены за Советской республикой.

28 сентября ВЦИК через посредство члена Реввоенсовета республики т. Кобозева было передано почетное знамя Симбирской железной дивизии, получившей ряд приветственных телеграмм от Пред. ЦИКа т. Свердлова, от Главкома т. Вацетиса, от Симбирского губисполкома, от Симбирского комитета РКП(б) и других советских организаций.

Тов. Кобозев в своих телеграммах на имя т. Ленина и ЦИК доносил: «Констатирую, что Симбирская железная дивизия по прежнему стойка. Железная не выходит из маневрен. Г: борьбы, не ищет отдыха, не просит смены, в походах непрерывно с начала июня. Полки дивизии сейчас в бою в восемнадцати верстах от Сызрани».

Захват Сызрани (схема 2).

После взятия Симбирска очередной задачей явилось: развить и обеспечить успех под **Симбирском—освобо-**

доть весь правый берег Волги от **противника**; для этого требовалось овладеть Сызранью.

Для подготовки указанной операции командир Железной дивизии вылетел на аэроплане с утра 24 сентября из Симбирска через Теренгу на Сызрань. Совершив 6-часовую воздушную **рекогносцировку**, разведав укрепления чехов вокруг города Сызрани, комдив вернулся обратно через Самару и Ставрополь.

Сызрань оказалась сильно укрепленной, причем наиболее густая сеть укреплений, обнесенная проволочными заграждениями, тянулась от линии Заборовка на Батраки. Очевидно главный удар на Сызрань противник ожидал с северо-запада.

На Сызранском участке он имел гораздо больше сил, чем на Симбирском. Но точных сведений о том, какими частями располагал противник и какого **состава** — у нас не имелось.

В общем мы считали, что в районе Сызрани около 10000 белых, действующих в направлениях на Теренгу, Инза, Кузнецк и Хвалынский.

В соответствии с этим на Сызрань должны были наступать:

а) с запада на **восток** — Пензенская дивизия, вдоль железной дороги **Кузнецк — Сызрань**;

б) с северо-запада на **юго-восток** — Инзенская дивизия, вдоль железной дороги **Инза — Сызрань**;

в) с юга на **север** — Вольская дивизия, через Хвалынский на Сызрань.

24 Железная дивизия, оперируя на трех главных направлениях (**Буинском, Мелекесском и Сенгилейском**), могла направить в это время через Теренгу на Сызрань только 2-й Пензенский полк.

Противник перед фронтом указанного полка после падения Симбирска отошел и укрепился на линии **Теренга — Новодевичье**. В последних числах сентября по-

следовал приказ по I армии, выдержки из которого приводим:

«Вверенной мне армии приказываю окружить и взять Сызрань для чего:

а) южная группа войск, комгруппы т. Энгельгард, состав: Вольская, Пензенская и Инзенская дивизии, всего 6650 стрелков, 446 сабель, 130 пулеметов, 28 орудий и 6 самолетов—атакует Сызрань по обоим берегам и с запада. К вечеру 26 сентября занимает исходное положение для атаки города Сызрань и с рассветом 27 сентября атакует город.

б) Северная группа войск, комгруппы тов. Гай, состав: Симбирская железная дивизия всего 6671 стрелков, 125 пулеметов, 31 орудие и 236 сабель—атакует Сызрань с севера и отрезает пути отступления противнику.

Командарм *Тухачевский.*

Наштарм *Корицкий.*

Член реввоенсовета *Калнин.*

Согласно указанного приказа, южная группа вела с 25 по 28 сентября энергичное наступление с трех сторон на Сызрань. Но противник, укрепившись в заблаговременно подготовленных окопах, упорно отстаивал свои позиции.

Наступление приняло затяжной характер, и чехи упорно оборонялись на линии Поповка—Балашейка—Алексеевка—Васильевка и Мосеевка.

Видя бесполезность лобовых атак через укрепленную полосу с севера на Сызрань, командир северной группы предпринял глубокий обход противника в двух направлениях: а) через д. Климовку на Ставрополь—Самару и б) через Климовку и Усолье на Батраки с тем, чтобы захватить всю Сызранскую группу противника в клещи.

Во исполнение указанного плана 1-й Симбирский полк занял 29 сентября с большим боем д. Климовка. У Климовки кроме сухопутных войск в бою принимали участие и речные военные суда. Наша Волжская флотилия имела большой и удачный бой с неприятельскими вооруженными судами. Одновременно разогнав у Усолье пехоту противника, двинулся на Батраки Витебский полк, 2-й же Пензенский полк, наступая по тракту Теренга—Сызрань, в тот же день занял с боем д. Троицкое.

В это время шла успешная перегруппировка и переправа 2-й бригады Железной дивизии на левый берег Волги у д. Климовка, с целью захвата г. Ставрополь.

1 октября переправа частей Симбирской дивизии на левый берег Волги удалась блестяще. Блокада и захват Ставрополя заранее предопределяли паническое отступление чехов и народной армии на Самару.

С захватом Ставрополя создавалась смертельная угроза колыбели учредителей—Самаре. Сызранский фронт явно ослабел, и противник видимо весьма поспешно эвакуировал главные силы в Самару, дабы избежать полного окружения и разгрома в Сызранском мешке.

Наше наступление на Батраки и поражение противника у Ставрополя оказались для него совершенно неожиданными.

Героические полки Железной дивизии, совершив в 4 дня около 200 километров пешком, вышли в глубокий тыл врага. В то время как противник укрепился западнее Сызрани и отражал удары наших главных сил со стороны Инзы и Пензы, части Железной дивизии незаметно подкрались к нему с тыла, двигаясь вниз по Волге через Усолье на Александровский мост. И когда 2 октября передовые части Витебского полка подошли к Батракам, в рядах противника произошла невообразимая паника.

Вот как описывает красноармеец **Витебского** полка тов. **Шнатков**, бой у **Александровского моста**¹.

«2 октября после занятия с боем д. **Губино**, в 17 верст. от Александровского моста, наш полк получил приказ от т. Гая, занять мост. С рассветом 3 октября полк выступил и не доходя верст 7—8 до своей цели, обнаружил противника, расположенного на высотах, укрепленных двумя линиями окопов с проволочными заграждениями. Несмотря на ужасный обстрел, наши цепи повели наступление как в лоб, так и с флангов.

После непродолжительного сопротивления, противник начал в беспорядке покидать окопы и отступать к Волге. Полк, разделившись на две группы, начал энергичное преследование противника. Левая группа, достигнув правой стороны Волги, взяла под артиллерийский и пулеметный обстрел Александровский мост, благодаря чему противник едва успел перевезти на левый берег Волги бронированный поезд, артиллерию и массу другого вооружения и военного имущества. Одновременно с этим правая колонна, наступая на д. Костычи, выбила противника из 2-й укрепленной линии и преследовала до самой Волги, где противник искал спасения в переправе на левый берег. В это время со стороны ст. Батраки показались броневые поезда и эшелоны белогвардейцев, спешивших из Сызрани на поддержку разбитым.

Красноармейцы, несмотря на свою малочисленность, на виду у приближающегося противника, начали загромождать ж.-д. путь шпалами и открыли пулеметный огонь по поездам. У противника, от такой неожиданности, началась паника. Паровозная прислуга на всем ходу **остановила** поезд, отчего произошло крушение. Красноармейцы с криком «ура», бросились в

¹ «Приволжская Правда». От 15 октября 1918 года № 24.

атаку на броневики и эшелоны. Белогвардейцы, как крысы с тонущего корабля, начали выпрыгивать из эшелонов и разбегаться в разные стороны. Большая часть их бежала к Волге, в надежде переправиться на лодках на левый берег, но мало кому из них удалось сделать это. Перегруженные лодки **тонули, отправляя ко** дну искавших в них спасение. В этом месте противник понес большие потери, как от огня красных, так и утонувшими в Волге. Таким образом, наш полк поголовно **разбил в несколько** раз превосходящего, как по количеству, так и по вооружению противника, захватив в целости два броневых поезда, 9 орудий, 40 пулеметов и массу снарядов, вооружения и **имущества»...**

Во время указанного боя чехи, боясь быстрого преследования, пытались загородить мост и пустили по **нему** товарный поезд, который сошел с рельс, а за ним отдельные паровозы, вызывая таким образом крушение и загромождая мост горами разбитых вагонов. Кроме того при помощи пироксилиновых **шашек** они взорвали пролет, и в воду **обрушились** две фермы. По всему мосту валялись трупы людей и лошадей, разбитые вагоны, паровозы, повозки, **орудия**, пулеметы и пр.

В 12 час. 3 октября командарм 1 т. Тухачевский, получил от **комдива** 24-й Железной краткую телеграмму: «Нахожусь в Сызрани».

К 12 часам дня 2 октября в городе не было ни одной части противника. С этого **времени до** 9—10 час. утра 3 октября в городе царило полное безвластие и обыватели, боясь злодеяний местного хулиганского элемента, попрятались по домам. Немедленно был организован временный Ревком и к **полудню** 3 октября из **дома** бывшего богача Стерлядкина было объявлено жителям об их **полной** безопасности и о **вступлении** Железной дивизии в город... Комендантом города назначили комбрига 1 т. Павловского. Вечером 3 октября

части дивизии начали постепенно вступать в город, украшенный красными флагами.

Вся Симбирская губерния окончательно была освобождена от белогвардейских и чехо-словацких банд. Вскоре 24-я Железная неустойчиво пошла вперед освобождать и Самарскую губернию.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

Смоленская батарея.

•
Это было в 1918 г., в конце июля, у с. Тетюши. Мы наступали на Симбирск и выдерживали упорные бои с белогвардейцами.

Два дня дрались. Наконец противник, сбитый с позиции, отступил на несколько верст. Наши цепи с 2 взводами Смоленской батареи продвинулись вперед и заняли новую позицию. Мы же с 1 взводом батареи и с 50 красноармейцами для прикрытия остались на ночевку на старой позиции, которую считали неприступной, ибо местность тут была болотистая, и река обогнула нас дугой.

Но... мы ошиблись в расчетах. Утром проснувшись, смотрим—с трех сторон обложили нас белые. Одно спасение—прыгать в речку; а орудия увезти—нечего думать.

Все же мы не растерялись. По сигналу комвзвода, тов. Жаркова, быстро повернули орудия влево и начали расстреливать противника картечью в упор. С правого фланга заработал наш батарейный пулемет, а слева ездовые, рассыпавшись цепочкой, начали крыть из винтовок.

Огонь мы открыли сильный. Но белогвардейцы—пья-

ные и озверевшие—упрямо лезли на нас. То Выл 1-й ударный георгиевский батальон, состоявший из одних офицеров.

— Сдавай оружие, банда краснокожих!—кричали они.

Мы отвечали картечью. Белые подошли уже вплотную к передкам и со штыками бросились на ездových—по несколько человек на каждого.

В это время перестал работать пулемет: все пулеметчики были ранены.

Что делать? В плен сдаваться?—Никогда!

Ударить в штыки—штыков нет. У одного телефониста, т. Сацута (в Смоленской батарее большинство было литовцев) нашелся штык. Он бросился на белых, но не успел пробежать и пяти шагов, как упал с разбитым черепом.

Пьяная офицерня еще яростней бросилась на нас. Нам осталось одно—отступать к реке, расстреливая в упор наседавшего врага.

Мы разбились на несколько групп. Во главе одной группы в пять человек стал старший разведчик, т. Мицкевич—мастер ночных налетов на белых.

Он бросал гранату за гранатой в офицеров, которые, стоя на берегу кучками, человек по 10—15, стреляли по переплывавшим через реку красноармейцам.

Белые смутились было, но видя нашу малочисленность, сразу оправились и дали залп по нас. Трое, в том числе и т. Мицкевич, упали. А мы перепрыгнули через плетень и спрятались в кустах смородины.

Несколько белогвардейцев бросилось к т. Мицкевичу, тяжело раненому. Он выхватил револьвер и убил трех офицеров, пока его окончательно не пристрелили.

Белые продолжали преследовать остатки красноармейцев, отступавших к селу Юшанск, где находился обоз наших частей.

А командир, взвода, т. Жарков, собрал тем временем

артиллеристов, рассыпал их в цепь и отстреливался от белогвардейцев. Он уже не мог кричать и командовать, так как от долгого крика потерял голос и только махал наганом. В это время подъехал т. Гая и тут же, повернув автомобиль, начал обливаться белых свинцом из своего пулемета.

Красноармейцы воодушевились и с криком «ура» бросились в атаку.

«Господа» офицеры не ~~выдержали~~ и в страшной панике бросились бежать к мосту. Но гаевский пулемет так метко их резал, что ~~никто~~ не перешел моста. Белые бросились вплавь, но были настолько пьяны, что большинство из них потонуло, остальных догоняли наши пули.

Победа осталась на нашей стороне. Мы взяли назад свои орудия, уцелевших лошадей (некоторых белые перекололи), а также 5 пулеметов и много винтовок. Мы потеряли 11 убитыми и 9 ранеными. У белых из батальона в 600 человек уцелело не больше 40 офицеров. Остальные потонули и были убиты.

Красноармеец Смоленской батареи Глазунов.

Как родился 1-й Симбирский.

Как только раздались первые выстрелы на чехо-словацком фронте, во всех городах Советской республики начались формирования добровольческих партизанских отрядов. Большею частью они формировались из необученных военному делу рабочих, которые, пройдя 2-недельный курс обучения, выступали на фронт.

В июле 1918 г. группа таких отрядов под руководством т. Гая, будущего начальника нашей дивизии, двинулась против чехо-словаков со стороны Симбирска.

Чехи занимали в это время город Сызрань и Симбирск. Наши отряды, двигавшиеся на Самару, были отрезаны. Но никто не думал об отступлении или о сдаче.

— Прорваться во что бы то ни стало.

Под деревней Ясошине Ташлы мы встретились с чехо-словаками. Завязался бой...

Крепко держались чехи, но мы все же пробились к своим и остановились на ст. Майна. Здесь начала формироваться наша дивизия.

В наш полк вошли партизанские отряды: Тверской, Сенгилеевский, дружина левых эсеров, Самарский коммунистический и 3-й Симбирский.

В середине августа полк под именем 1-го Симбирского принимал участие в наступлении на Симбирск. Первое наступление было неудачно. Один полк не выдержал наступления белых, образовался прорыв. Офицерский отряд под командой тогда еще полковника Капеля зашел в тыл другому полку и заставил его отступить. Пришлось и нам оставить позицию. А мы были уже почти под самым городом.

На фронте наступило временное затишье. Воспользовавшись этим, мы спешно заканчивали формирование полка. По селам и деревням устраивались митинги крестьян, и после этого начался приток добровольцев.

На Игнатовской фабрике рабочие сами мобилизовали призывных за 5—6 лет и составили 3-ю роту 1 батальона под командой текстильщика рабочего тов. Дудкина. (Задаева)

Так понемногу формировался полк. Никто нам ничего не давал и не присылал: ни обоза, ни лошадей, ни пулеметов, ни винтовок, ни обмундирования, ни людей. Все добывалось в боях. Никаких отделов снабжения не было. Снабжали нас сами крестьяне или же неприятельские склады.

8 сентября мы опять пошли в наступление на Симбирск.

— Если мы и на этот раз не возьмем его,—сказал военком,—то это значит, что мы не достойны звания «железные».

Три дня продолжались упорные бои. Наконец мы ворвались в город. Впереди вместе с конной разведкой въехал на автомобиле тов. Гая, стреляя из ручного пулемета в белогвардейцев. Белые в панике бросились

К Волге, кто на баржах, кто на лодках, пробовали переправиться на ту сторону, но **многие** погибли.

Мы захватили много оружия, снаряжения, обмундирования. Белые не успели даже эвакуировать пленных красноармейцев и советских работников, сидевших по тюрьмам. Освобожденные нами, они вооружались винтовками и поступали в наш полк. Из этих пленных были составлены 7-я и 8-я роты III батальона.

III батальоном стал командовать тов. Дедаев, бывший подпоручик, революционер (впоследствии зверски зарубленный в бою под деревней Таймсово в январе 1919 года).

В первых числах октября наш полк совместно со всей дивизией перебросили под Самару. Город был нами взят. Население встречало нас восторженно.

В Самаре закончилось **формирование** нашего полка.

Красноармеец 1-го Симбирского полка *Энка*.

На Симбирск.

...9 сентября вечером мы двинулись в поход. Настроение у всех было приподнятое, кругом гремели песни, мы с нетерпением ждали боя. На другой день утром пришли на ст. Майну, рассыпались в цепь и по-

шли дальше вдоль железной дороги. За нами двигался бронепоезд. Пройдя несколько верст, мы наткнулись на противника, сбили его и погнали.

Белые ни шагу не отступали без боя. Жестокими боями мы брали каждую пядь земли. Так в три дня мы продвинулись всего лишь на 50 верст.

Некоторые пункты переходили по несколько раз из рук в руки. Пулеметом меньше всего действовали, все время бросались в атаку на штыки.

Особенно горячее дело было под ст. Охотничьей. Нам пришлось наступать ровным полем. А впереди на склоне горы на лесной опушке окопались белогвардейцы. И как только появилась наша первая цепь, их броневик открыл ураганный огонь. Цепь бегом двинулась вперед. Подпустив ее шагов на 200, белые начали хлестать нас из винтовок и пулеметов свинцовым дождем. Мы с криком «ура» бросились в штыки.

Много нас выбыло из строя, однако мы сбили и погнали белых в лес. Они там успели опять сгруппироваться и при поддержке бронепоезда бросились в бешеную контратаку.

Наша цепь, в несколько раз меньше их численностью, не выдержала и отступила. К счастью нам на помощь подоспела вторая цепь; броневика же нашего не было, так как дорога позади нас была взорвана.

Соединившись вместе, мы снова бросились в атаку. Белые отступили: мы вторично заняли горку и, преследуя противника, двинулись в лес. Бой длился четыре часа, и врагу был нанесен решительный удар.

На другой день за лесом, около с. Грязнушки, окопалась белогвардейская цепь человек в 500. Под прикрытием нашей артиллерии мы быстро двинулись вперед. Едва успели мы выйти на бугор, как появился белогвардейский броневик. Он врезался в цепь и начал крыть нас из орудий и пулеметов. Мы залегли в кар-

тошке—это мало помогло: кругом был крошечный ад. Небо с землей смешалось. Сплошная туча пыли и дыма висела над полем боя, грохот орудий, свист снарядов, трескотня пулеметов, крики и стоны раненых—все это слилось в один вой.

Прискакал командир полка т. Воробьев; он отдал приказ двинуться вперед—под гору, ползком. Мы выбрались на гору и вздохнули:—поражений стало меньше: пули перелетали через наши головы.

Недолго пришлось отдыхать: собрались с силами и опять пошли в атаку. Противник не выдержал и побежал. Бойцы кинулись к их бронепоезду, окружили его со всех сторон и начали забрасывать гранатами. Он стал медленно отходить, а мы тем временем перебили всю орудийную прислугу.

Много таких боев пришлось нам выдержать на подступах к Симбирску.

И за эти бои дивизия была названа «Железной».

Красноармеец Сионов.

Козловский отряд в борьбе с чехами.

Когда я и мои товарищи красноармейцы стояли в г. Козлове, Тамбовской губ., и несли в нем гарнизонную службу, то конечно никто из нас не представлял, что такое гражданская война. И вот 29 мая вечером нам было приказано погрузиться в вагоны и ехать. Куда—об этом в военных приказах не говорится. Но когда погрузились, нам все же сообщили, что мы едем разоружить чехо-словаков, стоящих на ст. Ртищево. Было сказано, что едем на 4 суток и следует взять только котелок и ложку, а из вещей—ничего.

Мы конечно с радостью согласились ехать, как нам

казалось, на прогулку, которая потом оказалась довольно продолжительной. Захватив с собою орудия, 9 пулеметов и 300 человек пехоты и поставив по 2 пулемета на пульманы, из которых один находился около паровоза, а другой сзади всего состава, мы ночью взволнованные, весело настроенные тронулись в путь.

Подъехали к ст. Ртищево. Ни единого выстрела. Спрашиваем:

— Были чехи?

— Были.

— Где они **сейчас**?

— Уехали на ст. Сердобск.

— Великолепно,—отвечали мы,—едем вдогонку.

Не доехали мы до Сердобска, как путь оказался испорченным. Чехи сожгли здесь эшелон с съестными припасами, обмундированием и патронами. Рабочие исправили путь только через сутки. Поехали к Пензе. Все спокойно. Снова спрашиваем:

— Ну, что, **были чехи**?

— Были, да уехали.

— Чорт возьми. **И здесь не застали.**

Решили ехать до Сызрани. В Сызрани повторилась та же история. А начальник предупредил нас, что если в Сызрани чехов не встретим, то поедем обратно—

Чехи оказывается находились в Самаре и наступали с двух сторон. Нас двинули туда на подкрепление. Мы соединились с нашими отрядами под Нов. Москвою и пошли на позицию. Двуколок и лошадей не было, пулеметы пришлось тащить на себе. Пришли. **Окопались. Смотрим—левый фланг бежит в панике. И не удивительно. Командиры отрядов действовали самостоятельно. Старшего над ними не было.**

Отдельные бойцы-паникеры бегают и кричат:

— Кавалерия с тыла.

Конечно тут подавай бог **ноги**: все бегут без оглядки,

бросая пулеметы, винтовки, вообще все, что мешало уходить.

Наш отряд состоял в большинстве из старых фронтовиков. Мы не струсили и отошли в порядке. Приехали в Сызрань, все красноармейцы стали говорить: «едем обратно. Вшей развелось, как в муравейнике. Бани нет. Поехали на 4 суток, а ездим уже целый месяц».

Наш начальник-коммунист сказал, что ехать нельзя, пока не разоружили чехов. Наиболее злостных бузотеров пришлось арестовать и отправить в тюрьму. Однако от этого дело не менялось. Вещи были в Козлове, мы просились, чтобы наспустили за ними съездить. Тогда нам дали белье, мы сходили в баню и на другой день отправились в Симбирск, где стали грузиться на пароходы. Среди красноармейцев появились больные холерой. Их положили на выдержку в госпиталь. Проведя семь суток в лазарете, я и товарищи, попавшие со мной, вылечились и отправились на Мелекесс, а оттуда на подводах на Ставрополь, но не доезжая до него, остановились в селе Мусорках, где и стояли две недели. В этой деревушке стояли кроме нашего еще 2 нижегородских отряда и другие. Мы бездействовали, а противник уже занял Мелекесс. Пришел приказ: козловскому (т. е. нам) и нижегородскому отрядам ударить во фланг противника по направлению на Белый Яр и Сengiлей. Бойцы двинулись. Не доезжая 8 верст от ст. Черлакы т. Великанов со своим ординарцем поехали в разведку. Разведка удалась, благодаря чему наступая ночью на станцию, мы здорово пощипали противника. Пришло приказание ударить во фланг противнику и присоединиться к своим частям у Часовни. Но вследствие измены командарма Муравьева, мы остались, как щука на мели, и вдобавок в кольце, так как Симбирск был уже занят белыми. Пришлось отступить обратно к той деревне, откуда вышли. Измученные,

не спавшие трое суток, мы заснули на подводах. Не доезжая шагов ста до деревни, мы попали под обстрел белых. Бойцы в панике стали бестолково метаться, но были остановлены т. Великановым и начали отстреливаться. У нашей батареи убило двух наводчиков, 15 лошадей. Стали отступать по направлению к Белому Яру.

Одно орудие вели на паре лошадей верст десять, но все-таки его пришлось бросить, как бросили раньше 3 орудия.

Бросили также некоторые вещи из обоза.

У Белого Яра наших войск уже не было. Они действовали на правом берегу Волги, но Белый Яр все же находился еще в наших руках. Мы погрузили часть пулеметов на лодки и отправили их на ту сторону. К счастью бойцы заметили один пароход на реке, дали ему сигналы, и он переправил нас со всем имуществом в Сенгилей. Из Сенгилея тронулись по направлению к ст. Инза, но сообщения с внешним миром мы не имели; по слухам и эта станция была уже занята белыми.

Так доехали до ст. Майна, она была нейтральной. Узнали, где расположены наши войска и где неприятельские. Так как нам пришлось стоять на этой станции 3 недели, мы сформировали из отрядов два полка — 1-й и 2-й Симбирский. Полки были 2-батальонного состава по 150 человек в каждом батальоне. Когда к нам присоединились еще два полка, Витебский и Курский, мы решили наступать на Симбирск, но нас отбили. Простояв еще месяц и получив резервы из тыла, мы снова двинулись на Симбирск и на этот раз взяли его на третьи сутки.

Красноармеец 24-й дивизии 2-го Симбирского полка

Ф. Малютин.

Наш ОТХОД (рассказ 16-летнего добровольца).

Отступив от Сенгилея, мы заняли позицию у ст. Майны, в селе Сергиевка-Жеребятниково, где и стал впервые формироваться наш полк. Через две недели полк, сформированный из 6 отдельных отрядов, пошел в наступление по направлению к селу Абрамовка, где мы отдохнули и пошли дальше. Когда подходили к селу Кадыковке неприятель встретил нас пулеметным и оружийным огнем. Мы залегли в наскоро отрытые окопы—рыли их, за неимением лопат, руками и штыками,—и открыли ответную стрельбу из винтовок, потом по команде перебежали влево, поднялись на гору, откуда отлично наблюдалось расположение противника. В деревне стояли белогвардейские орудия. Наблюдаешь за орудием: около него никого не видно, вдруг из-за амбара выбегают человек пять белогвардейцев и выстрелят раз и опять бегут за амбар, такая же история повторялась и у пулемета. Будь у нас орудия, мы живым манером обработали бы белых и не дали бы увезти орудий. Лихим натиском мы заняли село и после небольшого отдыха стали передвигаться дальше. В двадцати пяти верстах от Симбирска завязался бой, продолжавшийся двое суток. На вторые сутки к вечеру полк перешел в стремительное наступление и выбил противника из села П., где и расположился на отдых, выставив заставы и дозоры. Артиллерия и обоз остановились в селе Тетюшки, в четырех верстах позади нас.

Ночь прошла спокойно, но с наступлением утра на наше село и на село Тетюшки белогвардейцы повели наступление. Пришлось уйти из села П. я занять позицию за селом. Но белые продолжали наступать. Из цепи врага выделились человек семь и бросились на нас с криком: «Красные, сдавайтесь». Наши ответили

ружейным залпом, и белые залегли. Мы перешли в контратаку и враг начал отступать, оставляя раненых, убитых и пленных. Подходим к одному пленному белогвардейцу.

— Ты кто?

— Солдат,—ответил он,—товарищи, дайте **воды**.

— Ага, теперь **мы** стали товарищами. А раньше как вы нас называли?

— Я, товарищи, такой же рабочий, как и вы.

Наши обыскали его тщательно и в результате он оказался не солдатом, а полковником офицерской роты. По документам выяснилось, что он пробрался к белым из Минска. Мы его прикончили.

Дойдя до села, полк получил приказ: «Отступить». Начали отходить к селу Тетюшки, но оно было уже в руках белых. Чтобы выйти из затруднительного положения, нам пришлось переходить реку в брод, так как мост был уже занят неприятелем. Сумели перейти незаметно и догнали Своих. Вдруг откуда ни возьмись, летит начальник дивизии т. Гая на автомобиле и отдает на ходу приказ: «Товарищи, вперед. Не отступать»—и сам первый открыл стрельбу из пулемета, находившегося на его автомобиле. Мы двинулись за ним и белые начали удирать. Заняли село, отбили свои орудия. Здесь мы увидели, как стойко защищали свои орудия наши красные артиллеристы. Около орудий лежало 12 трупов. По снарядам мы угадали, что орудия били «на картечь», так как враг был совсем рядом. Артиллеристы, оставшиеся в живых, рассказывали, что они 3 раза сходились в рукопашную с белыми, но в конце концов враг осилил наших.

Мы, подобрав убитых и раненых и захватив артиллерию стали в порядке отступать.

Красноармеец 2-го Симбирского полка

Т. Мартысюк.

«Дело советов».

Военный пароход «Дело советов», имевший на борту одно трехдюймовое полевое орудие и 52 человека команды, в начале июля 1918 г. вышел из Сенгилея на поиски неприятеля.

В 10—12 верстах ниже Климовки он встретил три вооруженных чехо-словацких парохода. Завязался бой.

В продолжение 35 минут боя мы выпустили 250 снарядов. В результате у одного неприятельского парохода была сбита рубка. От наших метких попаданий на этом пароходе произошел взрыв и он быстро затонул. Остальные два парохода ушли.

После падения Симбирска «Дело советов» выдержал новый ожесточенный бой с неприятелем 22 июля, в день обстрела Сенгилеевской пристани чехо-словацкими пароходами.

Снявшись с якоря в 8 час. вечера и не успев еще отойти от Сенгилея, мы внезапно встретились с вышедшими из-за поворота тремя лучшими белогвардейскими пароходами, вооруженными трехдюймовыми пушками. Это были: «Вульф», «Фельдмаршал Милютин» и «Козлов».

Находясь на расстоянии двух верст от нашего парохода, неприятель, направляющийся вверх по Волге к Симбирску, первый открыл артиллерийскую стрельбу.

Наши пароходы «Нижегородец», где помещался штаб командующего т. Гая, «Фортуна», где находился санитарный отдел и пловучий госпиталь, «Владимир Монамах» и другие были совершенно беззащитны.

«Дело советов» отстреливался из своего единственного орудия, но вскоре получил три пробоины. В кормовой части от взрыва снарядов вспыхнул пожар.

Получив сильные повреждения, «Дело советов» принужден был выброситься на берег.

Все пулеметы и замок из орудия мы выбросили за борт в глубоком месте реки. Из команды мы потеряли 4 человека убитыми и пять ранеными.

Команду парохода составляли по преимуществу военные моряки Балтийского флота.

Краснофлотец.

Под ст. Охотничья.

Нашему полку, недавно сформировавшемуся и имевшему в своем составе всего два, да и то неполных, батальона, приказано было выступить с утра с занимаемой позиции у разъезда «Выры», а к вечеру занять ст. Охотничья и село Ивановку.

Рассыпавшись цепью и выслав вперед дозоры, мы двинулись линией железных дорог по направлению к ст. Охотничья. Сзади цепи, тяжело пыхтя, тихо двигался наш бронепоезд.

Дорога шла густым лесом, но люди двигались в цепи, не теряя связи друг с другом; пулеметчикам приходилось тащить пулеметы на руках сквозь густые заросли кустарников. Наконец вышли в открытое поле и поставили пулеметы на двуколки, которые ехали по дороге тут же вслед за цепью.

Настроение у всех было приподнятое, точно все шли на прогулку, а не в бой, где многие из нас может быть найдут смерть. Иногда мимо цепи пробежал испуганный заяц, и тогда раздавались веселые возгласы:

— Ату, косой, лови его!

Смех, шутки, говор не прекращались до самого боя. Но вот вдали показалась станция Охотничья, и наш броневик, остановившись, принялся за «работу»... Снаряд за снарядом бросал он на станцию, нащупывая белых и сотрясая воздух громовыми раскатами выстре-

лов. Сколько ни стрелял наш броневи́к по станции, ответа не последовало, и мы двинулись туда, решив, что неприятель без боя оставил ст. Охотничья.

Не доходя с полверсты или более до станции, наш дозор обнаружил, что неприятель окопался по буграм недалеко от станции. Не успел дозор еще вернуться и сообщить об этом, как белые засыпали нас градом пуль. Раздалась команда:

— Цепь сто-о-о-й, ложь-и-ись. Пулеметы! Сюда!

Пулеметчики поспешно стали снимать с повозок пулеметы и выбирать удобные места для обстрела.

Окопались...

Солнце между тем закатилось за опушку леса.

Вскоре затрещали наши пулеметы, посылавшие через головы своих бойцов тысячи смертоносных пуль в неприятельские окопы, вызывая там панику и сумятицу. Снова забухал броневи́к, осыпая белых горячей шрапнелью и вздымая вверх кучи земли, камней и осколков. Белые отстреливались: по всему было видно, что стрельбой их не выбьешь. И вдруг громовое «ура-а-а» прокатилось, как вихрь, по долине. Соскучившись лежать, цепь поднялась, заколыхалась и неудержимой лавиной ринулась вперед. Рота, находящаяся в резерве, не выдержала и тоже кинулась вперед, смешавшись с передней цепью. Неприятель не выдержал нашего стихийного натиска и бросился бежать, оставляя по пути пулеметы, винтовки, снаряжение, даже скидывая с себя шинели, гимнастерки, сапоги для облегчения.

И долго еще на правом фланге трещали пулеметы и винтовки: то наши продолжали гнать остатки противника из села Ивановки.

После томительного дня мы окапывались у опушки леса и делились впечатлениями боя.

Красноармеец 214 п. 24-й Железной дивизии А. И.

Красные сестры-героини.

●
Гражданская война, создав причудливые бытовые условия и вызвав к жизни новые сильные характеры, создала своеобразный тип сестер милосердия—пролетарских сестер, разделявших с красными бойцами все лишения походной жизни.

Это—не холеные и намалеванные, в щегольских лакированных ботинках высокомерные сестры милосердия земских и городских «Союзов», сестры для офицеров и буржуазных сынков, не стеснявшиеся у кроватей раненых солдат открыто выражать свое отвращение к «хамам» и к «мужикам», от которых пахло потом, деревней и махоркой.

Нет. Стриженные и одетые по-мужски, в смушковых красноармейских папах зимой и серых шинелях, в сапогах красные сестры милосердия беззаветно посвятили всю свою молодость и энергию служению делу революции.

И как трогательно и чутко отличают красноармейцы, какая из «сестриц» пришла на фронт так только, ради заработка или по недоразумению, и какая является его истинной товаркой по боевым переходам и опасностям.

Дочери токарей, сапожников, ткачей, крестьян, реже интеллигентки, порвавшие со своей средой,—они оставили свою обычную работу и устремились вместе со своими мгновенно сформированными рабочими полками и батальонами на боевые поля Сызрани, Самары и Симбирска.

В то время, как многие из «офицерских» сестер были авантюристками или куртизанками, искавшими на фронте приключений, покровителя или мужа, красные сестры сознательно шли работниками тяжелых красноармейских будней.

Мозолистые руки этих сестер-поденщиц, сестер-батрачек, привыкших к физическому труду, показали большую ловкость тогда, когда пришлось взяться за винтовку; присутствие сестер-подруг на фронте скрашивало суровую обстановку боевой страды.

Я говорю о тех сестрах-красноармейцах медицины, которые находились в ротах и в отрядах, которые часто не прошли нужных курсов, нередко с трудом читали надпись по-латыни на баночке иоду, но которые все время сопровождали свой отряд и делали то, чего часто не делали фельдшера и врачи околотков, отстававшие в самые трудные часы под предлогом невозможности медицинской работы под обстрелом.

Мне хочется рассказать читателю о 3 сестрах, которых я лично знал во время работы под Сengiлеем и в Железной дивизии. Это сестры: Озеревская, Шерман и Данилова.

Сестра Озеревская, находясь в Симбирском эскадроне, во время боя под ст. Майна, добровольно вышла из деревни на поле, где свистели пули, и не прячась, подходила то к одному, то к другому из раненых красноармейцев и делала всем перевязки. Помогая раненому выбраться из сферы обстрела, она была сама тяжело ранена навылет в правое легкое, но имела силу поползти до деревни, где ее подобрали без чувств. Не успев оправиться она снова едет на фронт. Тов. Озеревская награждена за бесстрашие благодарностью в приказе по дивизии. Прежде работала на эпидемии сыпного тифа, который и перенесла.

Сестра Данилова—украинка из бедной крестьянской семьи, работала в партизанском отряде моряков Прохорова, откуда перешла в дружину тов. Устинова. Здесь выказала бесстрашие и неутомимость, работая все время под обстрелом неприятеля. Больная отступила из Климовки вместе с арьергардом дружины.

Много раз оказывалась в тылу у белых, но каждый раз благополучно выбиралась. После прорыва из-под Сенгилея была сестрой 1-го Симбирского полка и вместе с полком двигались на Симбирск, Мелекес и Бугуруслан. В приказе по Железной дивизии упоминается как заслужившая благодарность всей дивизии. Имеет лестные отзывы многих врачей о своей работе.

Сестра Шерман Лия выросла в мещанской семье. Когда чехи захватили Волгу, она бросила гимназию и родных и бежала на сенгилеевский фронт, где работала в качестве ротной сестры в отряде самарских коммунистов, используя свои небольшие познания в первой помощи, как бывшая волонтерка казанского лазарета.

В бою под ст. Охотничья была контужена осколком шрапнели, но продолжала работать до окончания боя.

Все время ободряла красноармейцев, призывая их идти вперед и не поддаваться панике.

При взятии Симбирска красными была в числе первых, вступивших в город. С передовыми частями нашей конницы вступила в Сызрань. Старые боевики-красноармейцы и те удивлялись ее мужеству и хладнокровию во время боя.

К сожалению биографические данные об этих сестрах крайне скудны, но я приведу собственноручный набросок семнадцатилетней Лии Шерман.

Из дневника сестры Шерман.

Однажды часов в 12 ночи к нашему пароходу подплыл маленький буксирный пароход с отрядом т. Устинова.

Я узнала, что на пароходе сестра Данилова. Не без волнения я пошла знакомиться с ней.

Каково было мое удивление, когда я увидела веселую блондинку, с большими карими глазами, с вздернутым широким носом. А когда она бойко и весело со мной заговорила своим певучим хохлацким акцентом, я совсем ошалела от удивления: Ах, так вот ты какая, сестра Лиза.

Однажды она пришла в деревню, в которую через десять минут должны были войти белые, вступавшие уже в противоположную окраину деревни, и увидела наших партизан, усталых и прятавшихся под столом. И вот, тогда не стало веселой сестры Лизы, ее глаза стали гневными и влажными, она закричала резко:

— Трусые... Вы боитесь чехов. **Вы здесь** остаетесь. Ну, а я иду...

И пристыженные партизаны один за другим поднялись и под грохот снарядов и треск пулеметов пошли за сестрой Лизой навстречу, врагу, и прогнали его прочь.

Так вот она какая, сестра Данилова...

После встречи с сестрой Лизой я уехала на фронт в Самарскую боевую дружину коммунистов. Я быстро подружилась с бойцами.

Мы стояли на опушке леса, ожидая каждый день наступления врага, находившегося неподалеку от нас.

Один старик—коммунист, бывший в дружине и часто беседовавший со мной, обыкновенно так кончал свой разговор со мной:

— Смотри, сестра, **береги себя** и зря не суйся под выстрелы... Ведь мы на тебя, как на мать родную...

Во время нашей стоянки я подружилась с одним пулеметчиком. Он мне задумчиво рассказывал о своей Украине, а я ему—о Нижнем.

Однажды нам приказано было пойти в обход на противника. Собрались два взвода и пошли. Итти было далеко. Накапывал дождик.

Шли по мокрому вспаханному полю. Я и мой товарищ-пулеметчик тащили пулемет.

Придя на место, расположились и ждали до утра; враг, заметив нас, тихо отступил, а утром мы ушли назад. В этот же день я уехала на пристань за медикаментами. На пароходе я задержалась.

Через неделю, когда возвратилась в дружину и спросила, где пулеметчик, мне ответили, что он убит, и рассказали подробности. Оказывается, он был ранен в грудь. Однако живым он сдаться не захотел и побежал в сторону наших. Сначала бежал быстро, но силы постепенно оставляли его. За ним погнались белые, а когда нагнали, то докончили его штыками.

С сестрой Озеревской я встретилась в инзенском лазарете, когда она уже выздоровела после тяжелого ранения в грудь.

Взглянув на нее, я задумалась: откуда у нее брались силы таскать раненых красноармейцев, перевязывать их в суматохе боя и вообще так работать, как она работала.

Низкого роста, худенькая, с маленькими руками, она была похожа на девочку—подростка; только крест на фартуке и косынка говорили о том, что она—сестра.

Сестру Озеревскую очень любили красноармейцы.

Сестра Озеревская была ранена во время боя у ст. Майна, подходя к раненому затем, чтобы посоветовать не идти по той дороге, по какой он стал ползти, а пробираться с ней кругом, потому что там казалось ей безопаснее пройти.

Она не успела досказать своих слов, склонившись над раненым, как шальная пуля свалила маленькую сестру. Из горла хлынула кровь, но с помощью того же раненого, которому ей не суждено было помочь, она доползла до околицы, где ее и подобрали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Зарождение 1-й революционной армии. В. Куйбышев	3
От автора	8

I.

Славный боевой путь.

Положение РСФСР в начале 1918 г.	10
Вооруженные силы РСФСР на Волге	11
Захват чехами Пензы и Сызрани	1 -
Падение Самары	14
Зачатки управления	19
Сенгилеевский «фронт»	21
Измена Муравьева и падение Симбирска	26
Прорыв из Сенгилея	29
Формирование 1-й Симбирской дивизии	35
Первое неудачное наступление на Симбирск	37
Подготовка к атаке Симбирска	39
Взятие Симбирска	41
Оборона Симбирска	46
Захват Сызрани	50

II.

Воспоминания участников-красноармейцев.

Смоленская батарея	57
Как родился 1-й Симбирский полк	59
На Симбирск	61
Козловский отряд в борьбе с чехами	63
Наш отход	67
«Дело советов»	69
Под ст. Охотничья	70
Красные сестры-героини	72
Из дневника сестры Шерман	74

72081

Гая Гай. «Борьба с чехо-словаками на Средней Волге»

ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛЬ!

V

Прочитавши книжку, ответьте на вопросы, поставленные в этом листочке. Если на нем места нехватит, выпишите вопросы на отдельный лист и пошлите в Государственное военное издательство (Москва, Манежная, 7).

1. Чем особенно понравилась эта книжка.....

2. Что в ней непонятно? Выпишите непонятные слова и выражения

3. Чем еще нужно дополнить книжку или изменить?

4. Какие бы еще книжки хотели почитать по этому вопросу
и по другим вопросам?.....

5. Какое имеете образование?.....

6. Где служите (если в войсках, то какого рода войск), какую
занимаете должность? Чем занимались до службы?.....